

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс.

Манифест Коммунистической партии

ЧИТАЙТЕ
в этом номере

B. Подгузов
ОСОБЕННОСТИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
МИФОЛОГИИ
ЗАПАДА

СТР. 2 - 15

A. Лбов
ПРИЗЫВНАЯ
ИЛИ
НАЁМНАЯ
АРМИЯ

СТР. 16 - 34

A. Дюков
ЭСТОНСКИЕ
МИФЫ
О «СОВЕТСКОЙ
ОККУПАЦИИ»

СТР. 35 - 44

A. Каллистов
С ДУМОЙ
О БУДУЩЕМ

СТР. 45 - 50

Редакция
ПИСЬМО
ПАРТИЙНЫМ
ТОВАРИЩАМ

СТР. 51 - 55

ПУБЛИЦИСТИКА

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ ЗАПАДА

В. Подгузов

Как показывает опыт практически все приверженцы рыночной демократии - ЛГУТ. Разумеется, это происходит не ежесекундно, но нет такого демократа, который бы не использовал ложь для достижения своих истинных, тщательно скрываемых до определенного момента, целей. В приличном обществе даже скрытность, не говоря уже о лжи, считается признаком безнравственности. А в средах рыночных демократов коммерческая тайна воспринимается как общечеловеческая ценность и самая благородная деталь их жизни. То простое обстоятельство, что речи современных рыночных политических деятелей готовятся загодя многочисленными референтами, свидетельствует, что со своими избирателями нынешние правители всегда ведут «многоходовую», лишенную искренности игру. Только в саунах Куршавеля у пьяных демократов на языках то же, что и на уме.

Правда, и Брежнев, не будучи демократом, зачитывал практически всё, что озвучивал. Но даже у Шендеровича до сих пор не повернулся язык сказать, что и Брежнев был тайным сторонником рыночной демократии. Самое большое, что вменяют в вину бывшему «дорогому Леониду Ильичу», это дряхлость. Но слабая память не слишком сильно дискредитирует старика Брежнева, вынесшего Великую Отечественную войну, восстановление украинской индустрии, подъём казахской целины и обеспечившего победу социализма над империализмом США во Вьетнаме и Чехословакии. Поэтому, если в речах Брежнева и было что-то старческое, слабоумное, то ответственность за это несут всеми уже забытые академики и профессора, например, Абалкин, Аганбегян, Шаталин, Арбатов, Яковлев, которые могли генерировать только общие трескучие фразы о развитом социализме. Как показала их последующая деятельность и мемуары, ни один из них никогда и ничего не понимал в тео-

рии коммунизма, хотя многие годы они числились членами ЦК КПСС. По крайней мере, Ельцин в своем мемуаре писал, что Брежнева окружало множество негодяев, которые пользовались его старческой немощью для достижения своих подлых целей. Себя, конечно, Ельцин вслух к числу негодяев не относил, но лишь потому, что в ближайшее окружение Брежнева не успел войти. О том, каков Ельцин «в ближайшем окружении», хорошо знают Горбачёв и Коржаков (по собственному опыту). Остается только удивляться, как долго престарелому Брежневу блестяще удавалось сдерживать окружающих его партийных проституток, особенно Андропова, от открытой демонстрации их бесстыдства на политической панели. Но именно эти политические проститутки, как и сам Ельцин, оказались впоследствии главными «прорабами перестройки», первыми президентами и приватизаторами бывших союзных республик. Иными словами, только теперь становится отчётливо видно даже самому простодушному человеку, что малосодержательность речей Брежнева не имеет к нему практически никакого отношения и, что самое печальное, как «демократическая закулиса» ЦК КПСС водили за нос не столько Брежнева, сколько большую часть т.н. советской интеллигенции, которая свои мелкие «копчёно-колбасные» неудобства связывала с именем Брежнева.

Одна из причин, позволяющая обманывать множество людей сразу, состоит, прежде всего, в том, что любая ложь строится на базе абсолютно истинных слов. Например, в абсолютно лживой фразе: «Слон летает в майонезе», все три компонента, взятые в отдельности, абсолютно правдивы. Подлежащее, «слон», взятое в отдельности, не содержит в себе никакой лжи. Сказуемое, «летает», взятое в отдельности от слона и майонеза, так же истинно. «Майонез», рассматриваемый

даже не как разновидность соуса, а как обстоятельство места, тоже не лишен смысла. В современном майонезе могут «парить» кишечные палочки. Но, будучи соединенными, эти части предложения превращаются в наглую ложь. Т.е. сущность лжи вообще адекватна **абсурду**, но воспринимаемому в качестве истины, поскольку включает в себя обособленные моменты истины. Абсурд потому и становится ложью, что большинство современных избирателей, вкладчиков и дольщиков не могут отличить абсурд от истины. Поэтому, существование лжи **всегда** обусловлено не столько силой интеллекта творца лжи, сколько интеллектуальной **немощью**, т.е. **доверчивостью** жертв обмана, цепенеющих перед «научными» фразами политических мошенников, подобно тому как простодушные мещане из известного фильма «За двумя зайцами» цепенели от речей «вчёного» пана Голохвастова. Именно поэтому система образования в рыночном обществе построена таким образом, чтобы, например, в среде промышленных пролетариев не было людей с высшим образованием. Иными словами, враньё может превратиться в норму информационной политики только в том обществе, в которой достаточно контрастны уровни образованности индивидов.

Поэтому даже демократы врут не всегда. Когда они «варятся в собственном соку», на своём уровне образованности, решая свои **внутренние** демократические проблемы, например, сохранения власти своего президента на очередной период, или, общаясь со своим «внутренним голосом», демократы иногда говорят **друг другу** или **сами себе** то, что думают. Они вынуждены быть относительно открытыми в **своём семейном кругу**, когда решаются, например, на убийство конкурента, или готовятся к очередной войне, поскольку понимают (и в этот момент не врут сами себе), что убийство - самый скоростной и кардинальный вид **конкуренции**, что война ужасно прибыльная вещь, дающая, кроме всего прочего, шанс на полное устранение целого клана **конкурентов**, что война - это выпуск внутреннего социального «пара» в сторону «внешнего врага» и т.д. Поэтому тезис о том, что демократы врут всегда, всем и везде не совсем точен. Они иногда невольно пробалтываются, периодически хващаются, иногда перед лицом вечности каются. Поэтому, слегка перефразировав одну из немецких народных пословиц,

можно сказать, что даже из самой тощей мифической коровы демократической пропаганды, можно вырезать осязаемый антрекот.

В отличие от кучки современных политиков, обслуживающих клан олигархов, подавляющее большинство граждан планеты, особенно пролетариев, в силу своих скромных доходов и систематически снижающейся образованности, следовательно, **невозможности** выразить своё мнение через СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, не имеют возможности солгать обществу, если даже захотят. Т.е. гигантское большинство населения планеты правдиво по независящим от них технико-экономическим причинам, ибо, например, шахтер в забое вынужден тупо рубить уголь, а не врать отбойному молотку; рыбак вынужден тупо ловить рыбу, а не уговаривать её голосовать за Хиллари Клинтон.

Ясно само собой, что если одни ещё не умеют лгать или не имеют на то технических возможностей, а другие и умеют, и имеют все необходимое для систематической лжи, то, следовательно, в рыночном демократическом обществе пропагандистская игра в «свободу слова» практически всегда идёт в **«одни ворота»**, т.е. вторые систематически лгут первым, а иногда и сами себе.

Самое забавное, что среди «первых» немало тех, кого называют дипломированными учеными. Но и они, в подавляющем своём большинстве, находятся в положении обманутых и узнают об этом лишь тогда, когда уже ничего исправить нельзя.

Многие интеллигентные люди не любят играть в карты, хотя иногда и наблюдают за играющими. Врожденная интеллигентность не позволяет им играть в игру, внешне респектабельную, но допускающую «тактическую хитрость», блеф, т.е. заведомый обман. Интеллигентному человеку претит и обмануть в игре, и быть обманутому. Но редко, кто сегодня понимает, что их вынуждают быть обманутыми обманщиками. Поддаваясь на удочку обещаний, сами представители интеллектуальной «элиты» РФ превращаются в своеобразный дезодорант, облагораживающий атмосферу вокруг крупных бизнесменов и политиков. Они входят во всевозможные Комитеты по помилованию, Общественные палаты и т.д., не понимая, например, что, сколько бы они не отменили приговоров о расстреле, частным заказчикам убийств и их киллерам от этого ни холодно, ни жарко. Как бы высоко не оцени-

ли члены высоких палат выделение денег на увеличение рождаемости, это нисколько не поможет миллионной армии уже беспризорных и бездомных детей демократической РФ.

Но парадокс состоит именно в том, что за последние двадцать лет большая часть населения РФ, не раз оказавшись в положении обманутых, так и не поняла, что обманутость большей части населения и есть перманентное состояние любого демократического общества, основанного на частной собственности.

Казалось бы, что может быть проще, чем понять, что большинство населения страны многократно обмануто и, поэтому, необходимо перестать слепо верить. Но нет. Одна за другой пирамиды сменяются ваучерными фондами, одно банкротство сменяется другим банкротством страховых и пенсионных фондов, но вкладчики, пайщики и дольщики всего цивилизованного мира вот уже двадцать пять веков не поймут, что их надежды на приход нового честного царя или президента, нового честного банкира, который что-нибудь сделает честно - верх самообмана. Короче говоря, как это не печально, но обман и самообман, является наиболее представительным элементом «культуры» всех «цивилизаций», основанных на частной собственности.

Но почему?

МЮНХГАУЗЕН КАК ЗЕРКАЛО ЗАПАДНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

По мере изучения европейской исторической практики и отражающей её литературы, возникает стойкое убеждение, что сущность западноевропейской ментальности прошедших двадцати веков наиболее полно, как ни странно, воплощена в личности барона Мюнхгаузена и как реального исторического лица, и как литературного персонажа. Так легко врать и, при этом, не краснеть, а испытывать удовольствие, умели только западноевропейцы. Более того, тот факт, что европейцы развязали за свою историю несравненно больше войн, чем любые другие народы, а теорию военного искусства возвели в ранг одной из наиболее респектабельных наук для политической элиты, свидетельствует о том акценте, который составляет сердцевину сознания западного европе-

йца. А как известно, при прочих равных, именно военная хитрость, т.е. осознанный обман противника с целью нанесения ему сокрушительного поражения, явился важной субъективной предпосылкой самых запоминающихся военных побед в истории европейских войн. Наиболее изучаемыми в европейской военной истории являются именно те эпизоды, когда **некхватка** физических условий победы **компенсировалась** военной **хитростью**, т.е. ложью. Естественно, что военную хитрость применяли, наверно, и египетские военачальники, и чингизиды, и монголы, но ничего особо поучительного в этой части истории военного искусства найти невозможно. История же военного искусства Запада это и неувядаемые Фермопилы, и Гавгамелы, и Канны и, наконец, «блицкриг». Все они многократно воспеты за то, что в их основе была заложена военная ложь.

Разумеется, найдутся противники подобного отношения к западной ментальности, тем более, что в литературе более восточных народов тоже хватало шутников-фантазёров. Ходжа Насреддин, Козьма Прутков, Швейк, Щукарь, Теркин... Но, во-первых, от барона Мюнхгаузена их отличает то, что все они лишь литературные вымыслы дервишей, писателей, поэтов, не отождествлявших себя со своими весёлыми персонажами. А во-вторых, только европейская «почва» породила **непревзойденного** лгунов всех времен и народов - Геббельса. Ясно, что это не случайно и не могло произойти под воздействием, например, наследия Ходжи Насреддина.

Барон Мюнхгаузен - реальный человек, выдумывавший свои «правдивые истории» не во спасение «жизнота своего» от гнева начальствующих особ, как «рядовой Швейк», а скуки ради, как всякий офицер, дворянин. Он первый показал, что в жанре **мемуара** можно **фантазировать безгранично**. Главное, делать это, не моргая. Позднее этому принципу следовали все гитлеровские, американские и английские генералы, выигравшие в своих мемуарах все **самые главные** сражения второй мировой войны (кроме битвы за Берлин). Хотя, если верить российским и польским демократам, то и Берлинскую битву.

Мюнхгаузен мастер абсурда и безнаказанного эпатажа. Наглую и явную ложь он возвёл в ранг забавы, не прикрывая её, как в сказках, никакими мистическими покровами, а лжеца выставил находчивым романтиком, никогда не падающим духом. С точки зрения

утонченности философского подтекста его мемуаров, Мюнхгаузена можно считаться творцом важнейших правил абсурдизации мышления наряду с Фомой Аквинским или Махом, хотя, в отличие от последних, специально этой целью Мюнхгаузен, возможно, и не задавался. Он просто был аутентичным европейцем и понимал, в отличие от Маха, какую литературу земляки всех возрастов будут читать с удовольствием, а какая способна отвратить их от чтения. Он знал, что правда жизни той эпохи скучна, двулична и вообще мерзостна и, что, поэтому, её реалистическое описание сделает автора в глазах европейцев, как и Джордано Бруно, виновным в разглашении «тайны Полишинеля».

Он понимал, что наглый вымысел больше соответствует западной ментальности, в традициях которой мошенник, обманувший многих, т.е. крупный, но **непойманный** вор, способный выиграть явно проигрышный судебный процесс, всегда вызывал у большинства европейцев уважение.

На этом принципе (не пойман - не вор) зиждется уважение европейцев, например, и к Соросу, частенько извлекавшего самого себя «за волосы» из «болота» биржевых спекуляций и «зыбучих песков» финансовых «пирамид» собственной постройки. Причем западные жертвы «пирамид» Сороса, судя по интервью, взятых у них после обвала «пирамид», никогда не обижались на то, что Сорос их «сделал», а честно признавались, что сделали бы то же самое, если бы могли. Ментальность, как гениальность, не спрячешь.

Забавные истории Мюнхгаузена с раннего детства приучают представителей средних и низших сословий западного общества к абсурдному мышлению основательнее, чем сказки братьев Гримм или Андерсена. Ведь с самого начала ясно, что, например, «мальчик с пальчик» - выдумка, что его никогда не было, как и Дюймовочки, а Мюнхгаузен - реальный ба-

рон. За удачную, но всё-таки выдумку, дети принимают и «терминатора», и «властелина колец», и Карлсона. Но Мюнхгаузен - это классика мифологизации самого себя за счет уморительной абсурдности сюжетных поворотов. Не в последнюю очередь этот приём способствует тому, что западный ребенок легко приучается к мифам, к вере и даже, став взрослыми, большинство представителей Запада, как дети, продолжают верить, например, что самая свободная СТОРОНА света - это не Восток, не Юг, а именно Запад и приводят удивляющие «доказательства». Оказывается, они могут, в отличие от многих других народов, раз в четыре года из представителей двух

практически одинаковых партий выбрать одного президента, о котором потом можно говорить везде, что он дурак. Они называют это демократией, когда президента можно называть дураком обоснованно и, следовательно, Запад самая свободная сторона света, поскольку именно там... дурак свободно может

стать президентом. Более того, если присмотреться к Бушу-младшему, то невозможно не согласиться с теорией Дарвина о происхождении видов, с той лишь оговоркой, что не у всех это уже завершилось. Тем не менее, - президент.

Более того, как только Рейган стал президентом США, в этом же году «совершенно случайно» было организовано общество по борьбе с болезнью Альцгеймера (дегенерация мозга), от которой Рейган и умер. Т.е. и сам президент США, и его жена, и спонсоры, выдвигавшие его на два срока, не могли не замечать своеобразия «мышления» будущего президента, но именно слабоумный президент очень удобен для дела свободы **олигархов** в политике. По этой же причине все состоятельные сторонники рынка и демократии в РФ, все криминальные авторитеты боролись за то, чтобы Ельцин пропьянствовал два президентских срока.

Правда, некоторые СМИ писали, что Рейган страдал болезнью не Альцгеймера, а Кройцфельда-Якобсена, которая, правда, по течению и симптомам практически ничем не отличается от болезни Альцгеймера, и развитие обеих сдерживаются одной и той же вакциной. Но необходимо заметить, что болезнь Кройцфельда-Якобсена одна из наиболее **рыночных** болезней, поскольку в деле её распространения особенно важную роль играет склонность **ЧАСТНЫХ** фермеров **К НЕЧЕСТНОСТИ**, т.е. не краснея продавать коровье мясо после того, как стало несомненно ясно, что его коровы заражены прионами «коровьего бешенства», т.е. болезнью Кройцфельда-Якобсена, подозрительно похожей на болезнь Альцгеймера. Но, разумеется, западной науке выгоднее списывать болезнь старческого слабоумия на Альцгеймера, чем на Кройцфельда-Якобсена, которая так дискредитирует рыночную благодать. Рыночная статистика утверждает, что болезнь Альцгеймера поразила уже миллионы западных граждан, но виновных нет, а болезнью Кройцфельда-Якобсена болеют только тысячи, хотя количество коров, забитых за последнее время в Западной Европе по причине их зараженности вирусом Кройцфельда-Якобсена, как раз тянет на многие миллионы порций бифштексов. Поэтому надо очень хорошо присмотреться к тому, почему польские торговцы так любят Россию, что ожесточенно борются за право продавать именно говядину на территории РФ? Откуда в Польше так много говядины и желания закормить ею население демократической РФ?

Учитывая эти свойства говяжьего рынка, можно сказать, что сначала Рейгана заразили большой мыслью о силе рыночной экономики, о необходимости внедрения рынка в странах социализма, а рынок, в ознаменовании выдающихся заслуг Рейгана, заразил его прионами старческого слабоумия, т.е. отблагодарил так, как только мог.

В дни, когда писались эти строки, уже и российский фермер, имевший ветеринарное образование, **сознательно** продал мясо своей, коровы, павшей от **«сибирской язвы»**. Успели заразиться только несколько жителей рыночной РФ. Т.е. это ещё не западные масштабы, и «санэпидемслужба» пока спасла Сибирь от пандемии, но и наш российский фермер потихоньку приобщается к западной культуре не только обвеса, но и смертельного обмана.

СОВРЕМЕННЫЕ МЮНХГАУЗЕНЫ

Мемуары Мюнхгаузена помогли сформироваться не только, например, Геббельсу, или вышеприведённому убийце-фермеру, но и многим современным российским интеллигентам, остроговорившим и правозащитникам. Как правило, по их же признаниям, уже подростками они презрительно относились к совковым «вымыслам», например, к «Дяде Стёпе», к «Сказу о Мальчише - Кильбальчише». Но Мюнхгаузен, как и Эйнштейн, были всегда у них в авторитете, поскольку они «оттуда». Какая, в принципе, разница. Поднимаешь себя за волосы или замедляешь время потому, что слишком быстро передвигаешься? Главное мыслить, не как Маркс, а как на Западе.

Но почему именно западная «культура» так срослась с жанром ненаучной фантастики, в лице, например, Геродота, который говорил: **«мой долг передать всё, что рассказывают, но, конечно, верить всему, я не обязан»**; Платона с его Атлантидой, Марко Поло, с его собаколовыми индузами, Джонатана Свифта, с его Гулливером, Мюнхгаузена, Скотта, Дюма, Уэллса, Эйнштейна, Толкиена, Роллинга?

Трудно не прийти к выводу, что потребность в художественном и околосуточном вымысле может возникнуть только там и тогда, где и когда **реальные** формы бытия общества предельно **убоги** по своему содержанию, и сведены к удовлетворению 3-4 рутинных потребностей. Именно поэтому и в современной РФ так популярны «сказки для взрослых» всевозможные «фэнтези» и «ночные дозоры».

Ясно, что узкий круг многовековых западных стандартов потребления порождает, с одной стороны, духовную тоску, а с другой стороны, количественную гипертрофию этих самых 3-4 убогих потребностей. По этому поводу, Сорос, в своей книге «Крах мирового капитализма» писал:

«Первоначальной целью написания книги было разъяснение философии, которой я руководствовался всю свою жизнь. Я стал известен как преуспевающий финансист, а позднее и филантроп. Иногда я чувствовал себя **гигантским желудком, поглощающим деньги с одного конца и проталкивающим их к другому концу, но на самом деле между двумя этими этапами было много умственной и эмоциональной работы».**

Сорос лукавит. Никакой трудности нет в том, чтобы ощущать себя гигантским желудком и, в то же время, думать, как проглотить и протолкнуть деньги «к другому концу», а потом испытывать положительные эмоции от работы кишечника. Говорят, что именно так умел делать, почитаемый на Западе, Цезарь: писать, читать, говорить, проталкивать и, видимо, выталкивать, одновременно.

Однако настоящий предприниматель ощущает себя не только прямоходящим желудочно-кишечным трактом вертикального типа. Ведь прежде чем проглотить деньги, за них сначала нужно ухватиться бульдожьей хваткой. «*В дни, - пишет Сорос, - когда я активно занимался руководством фонда, я начинал особенно волноваться, когда нападал на след первоначально самоусиливающегося, но в конечном счете саморазрушающегося процесса. У меня текли слюнки, будто я был собакой Павлова... Я ошибался в большинстве случаев, но те несколько случаев, когда я оказывался прав, оправдывали все усилия, поскольку потенциал прибыли был намного больше, чем в ситуациях, близких к равновесию.*

Однако даже собаки способны насытиться и отойти от миски даже тогда, когда в ней ещё есть сырое мясо. Видимо, и поэтому тоже, «собака», живущая в Соросе, начиная с 1979 г. перестала пропихивать некоторую часть денег только через себя, а скромно выделила их на создание своего именного фонда. Но даже здесь отказалась от вранья для Сороса выше сил. Он хочет показать себя не объевшейся собакой, а «поработавшим» филантропом.

«Когда, - пишет Сорос, - я заработал больше денег, чем мне было необходимо, я создал фонд, названный «Открытое общество». Я решил тогда, что его целью должно стать оказание помощи открытым обществам в том, чтобы они стали более жизнеспособными и могли сформировать внутри себя критический способ мышления. Через данный Фонд я был тесно вовлечен в процесс дезинтеграции советского общества».

Нет, чтобы сказать прямо: «Я вовлек советское общество, таджиков, молдаван, грузин, абхазов, осетин, чеченцев, дагестанцев в граждансскую войну», Сорос пишет - «дезинтегрировал». Но, обратите внимание, его интересовала не дезинтеграция партийной бюрократии, а дезинтеграция именно советского общества, главной особенностью которого было невозможность проведения в нем масштабных афер (ваучериза-

ции, приватизации квартир, монетизации льгот), установления всевластия буквально нескольких двуногих желудков, которые ныне владеют всей нефтью, всей рудой, практически всеми землями РФ. Вот на какие «филантропические» цели Сорос тратил те деньги, которые он лукаво, для излишне доверчивых, объявил «лишними». Если руководствоваться этой логикой, то и деньги, отложенные в ФОНД оплаты киллера за устранение конкурента или совестливого чиновника, тоже филантропия. Ведь не сам «филантроп» проел эти деньги. Мюнхгаузен позавидовал бы буйной фантазии Сороса о его «филантропии», стоившей одной только рыночной свободно расхрыстанной РФ сокращения численности населения, как минимум, на 13 миллионов человек. Гитлер и Глобке позавидовали бы такой продуктивной «филантропии».

Как видим, своё активное многомиллионное участие в деле развязывания на территории СССР гражданских войн и геноцида, фашизма, религиозного и рыночного фундаментализма, Сорос оправдывает «благими» намерениями: помочь «открытым обществам стать более жизнеспособными». Но ведь если не тратить миллионы на развал «закрытого» советского общества, не пришлось бы поддерживать нежизнеспособные «открытые» общества, открытые лишь для рыночного фундаментализма, для американского глобализма, нацизма, религиозного мракобесия на всём постсоветском пространстве.

Однако для характеристики человеческих масс на переходной стадии к «открытым» рыночному обществу, совершенно недостаточно сравнения человека лишь с собакой Павлова.

«Контроль над деньгами, - пишет Сорос, - требует, чтобы человек посвятил себя одному делу — деланию денег, и все остальные аспекты личности должны быть подчинены только этому. Но переходная рыночная экономика — это все, что угодно, только не общество. Каждый должен защищать свои интересы, и моральные нормы могут стать препятствием в мире, где человек человеку — волк. В идеальном переходном обществе люди, которые не отягощены мыслями и заботами о других, могут двигаться гораздо легче и, вероятно, пробираются далеко вперед».

Ну да, как Квантришивили, Кивилиди, Старовойтова, Юшенков или Ходарковский с Караповым, Козлов с Фатяновым, Литвиненко, Невзлин, Френкель, наконец.

Сорос знал заранее, в какое животное, полностью лишенное совести, рынок может превратить человека. Он пишет:

«В качестве анонимного участника финансовых рынков **мне НИКОГДА не приходилось** оценивать **социальных последствий** своих действий. Я сознавал, что при определенных обстоятельствах эти последствия могут оказаться **пагубными**, но я оправдывал себя тем, что играю по правилам конкурентной игры, и если бы я налагал на себя дополнительные ограничения, то проигрывал бы. Более того, я понимал, что **мои угрызения совести ничего не изменят в реальном (рыночном П.В.) мире**, учитывая преобладание на финансовых рынках эффективной или почти совершенной конкуренции; если бы я перестал действовать, кто-то занял бы мое место. Решая вопрос, какие акции или валюты купить или продать, я руководствовался лишь одним соображением: максимизировать свою прибыль, сопоставив риски и вознаграждение. Мои решения относились к событиям, имевшим социальные последствия: покупая акции Lockheed и Northrop после того, как их руководителей обвинили во взяточничестве, я помогал поддержать цены их акций. Когда я продавал «короткие» позиции фунта стерлингов в 1992 г., моим контрагентом выступал Банк Англии, и я опустошал карманы британских налогоплательщиков. Но если бы я попытался учитывать еще и социальные последствия своих действий, то это опрокинуло бы все мои расчеты в части соотнесения риска и вознаграждения и мои шансы добиться успеха снизились бы. **К счастью, мне не надо волноваться из-за социальных последствий** — они все равно бы произошли: на финансовых рынках имеется достаточное количество игроков, так что один участник игры неспособен оказать заметное влияние на результат. Участие моей социальной **совести** в процессе принятия решений **ничего не изменило бы в реальном (рыночном П.В.) мире**. Великобритания все равно девальвировала бы свою валюту. Если бы я тогда не проявлял целеустремленности в получении прибыли, это отразилось бы только на моих результатах».

Поэтому нет никаких оснований полагать, что Соросом, в его борьбе за «открытое» общество на территории СССР, двигали мотивы, отличные от мотивов Гитлера, Черчилля и вообще любого олигарха и политика, приверженца рабовладения.

Разумеется, никто не может запретить Соросу бредить «открытым» обществом, как и, например, Мюнхгаузену - полётами на ядрах. И Сорос это делает. Но нашим-то дипломированным простофилям вкладчикам и дольщикам нeliшне было бы знать то, что знает о рыночной экономике Сорос-волк, который съел на нем ни одну, а миллионы «собак Павлова».

«Когда все стремятся иметь как можно больше денег, конкуренция обостряется настолько, что даже те, кто добился наибольших успехов, низводятся до положения, когда им приходится **бороться за выживание**. Люди упрекают Билла Гейтса... за то, что он не отдает более значительную часть своего богатства; они не понимают, что сфера его деятельности развивается столь стремительно и в условиях настолько ожесточенной конкуренции, что он не может даже думать о филантропии. Независимость и свобода распоряжаться деньгами, присущие в прошлом привилегированным слоям, теперь утрачены. Я считаю, что мы стали из-за этого беднее. Жизнь не должна сводиться к простому выживанию».

Это ли не Мюнхгаузен. Оказывается у Билла Гейтса остро стоит проблема «выживания». Осталось только объяснить читателям, что речь идет о выживании Гейтса в качестве **миллиардера №1**. Оказывается, у фантазий Мюнхгаузена есть продолжение и оно называется: «О том, как Сорос почувствовал себя беднее, погружаясь в ванну, заполненную черной икрой лишь наполовину».

Сорос прекрасно понимает, как его воспринимают люди на самом деле и потому, сколько денег необходимо тратить на охрану своей персоны, но не может не пофантазировать на тему своей «бедности» и «уважения». Находясь в своей естественной коже: двуногого «гигантского желудка», «собаки», «волка» и т.п., Сорос, не краснея, пишет: «Я пользуюсь большим уважением и признанием не только благодаря моей филантропической деятельности или моим философским взглядам, а из-за способности делать деньги на финансовых рынках. Я сомневаюсь, стали ли бы вы читать эту книгу, не будь у меня репутации финансового мага и волшебника». Вратя так по крупному. Сорос делает вид, что не видит различий между **интересом**, проявляемым массовым читателем к мемуарам крупнейшего рыночного **обманщика, спекулянта** и «БОЛЬШИМ УВАЖЕНИЕМ» к его персоне. Его считают бессовестным и виртуозным мошенником, но никак не волшебником. Эх, забыл бы Сорос где-нибудь

ключи от своего сейфа вместе с кодами к своим банковским счетам, то сразу бы почувствовал, как его «уважают» на самом деле.

Таким образом, желудочно-собачье содержание волчьей ментальности наиболее известных «людей мира» и является мощной субъективной предпосылкой для формирования представления о земной жизни, как о клоаке. И это же обстоятельство проливает свет на то, почему ни в одной другой географической зоне мира библейские мифы не превратились в такое же руководство к действию, **как в Европе**. Никакие ритуалы человеческих жертвоприношений индейцев Южной Америки, никакие заклинания тамошних жрецов не сравнятся (по своим масштабам и бессовестности обоснований) с практикой и теорией европейской инквизиции. Ни одному азиатскому деспоту не удастся сравниться по степени цинизма, например, с испанскими и португальскими монархами, прикрывавшими свои чисто грабительские интересы, циничной риторикой о спасении душ южноамериканских индейцев в их вечном загробном блаженстве. У восточных славян, например, до обращения в христианство, была очень слабо выражена склонность превращать сказки, т.е. мистифицированные вымыслы для детей, в религиозные догмы. А на Западе это львиная доля культуры.

Не трудно представить внутреннее ликование европейских жрецов, некогда проповедовавших многобожие, но перекрестившихся и правильно оценивших всю продуктивность, всю глубину черного юмора христианского учения о необходимости земных мучений во имя вечной жизни и блаженства после похорон. Не трудно представить восторг и удивление первых пропагандистов христианства, их чувство признательности европейскому способу мышления, когда они поняли, что теперь народы Европы сами встанут на колени перед людьми в черных одеяниях и будут два тысячелетия щедро кормить их за сказки о, непрерывно переносимом, дне «страшного суда». Европейцы позволят жечь себя на кострах инквизиции и будут убивать иноверцев.

Поражает, с какой гордостью служители культа говорят, что христианская вера избавляет человека от чувства страха перед смертью. Чаще всего средний массовый европеец суетно и скучно живет, но умирает относительно легко потому, что, надеется на милость божию на «страшном суде». Церковь, не смущаясь, выступает посредником между основной массой христиан и вечным блаженством. Примерно так же свято воспринимают владельцев банков, страховых компаний и строительных «пирамид» вкладчики и дольщики,

веряя их обещаниям и видя в них посредников между своими кошельками и бурным ростом благосостояния.

Широкие низовые слои сторонников рыночной демократии так и не поняли, что с помощью любой религии, проповедующей счастливую загробную жизнь УНИЧТОЖАЕТСЯ важнейшее врожденное качество здоровой человеческой психики, ИНСТИНК САМОСОХРАНЕНИЯ, что человек религиозный (*homo mistikus*) легче (чем *homo sapiens*) превращается в покорную тряпку, в «тефтона», в киллера, в наёмного профессионального солдата (что практически одно и то же). Три тысячи таких дураков из США в двадцать первом веке уже убили десятки тысяч арабов в Ираке и легко, пробормотав молитвы, отдали свои собственные уникальные жизни. Родственники проводили их в последний путь с очень легкой грустью и огромной гордостью за... величину компенсации, выплаченную им за сына, несомненно, попавшего в рай. Блажен, кто верует, но богат, кто ворует.

Если искать ближайшую аналогию этому затмению разума на почве российской земной действительности, то можно вспомнить Первый ватчерный фонд, МММ, Хопер, Властелину, ПИФы, Пенсионные фонды и, конечно же, дольщиков Социальной инициативы, до сих пор жущих квартир. Не трудно представить изумление Мавроди или Карасёва, когда в ответ на их более чем воздушные проекты, люди лично принесли им «на тарелочке с голубой каёмочкой» свои кровные сотни миллионов долларов. Но такое могло произойти с людьми именно в той степени, в какой они уже приобщались к культуре западного массового мышления.

Т.е. деньги, потраченные, например, Соросом, Криблом и т.д. не пропали даром. Влияние европейских «филантропов» и неогебельсов на советских демократов невозможно переоценить. «Свободная Европа» и BBC сработали как лучшие театральные институты по подготовке актеров для парламентских подиумов бывших союзных республик. Нужно вспомнить, с каким пафосом, с каким возмущением в голосе будущие российские коррупционеры, перед которыми ныне снимают шляпы даже южно-корейские и израильские взяточники, клеймили большевиков за якобы их большевистский принцип: «Грабь награбленное!». Ложь была подана настолько грандиозно, что доверчивые «совки» до сих пор не поняли, что и Ельцин, и Чубайс, и Гайдар, и Березовский, и Ходарковский уже тогда с отвращением относились не к грабежу вообще, тем более циклопическому, в виде «залоговых аукционов», а именно к

РОССИЙСКИЕ МЮНХГАЯЗЕНЫ

ОТЪЁМУ уже НАГРАБЛЕННОГО. Т.е. по искреннему мнению клинических российских демократов, **нельзя ОТНИМАТЬ награбленное** лишь у того, кто сам уже **много** награбил. Ведь каждый демократ, идя в бизнес или в Федеральное собрание РФ отлично понимает, сколько он получит за счёт сокрытия налогов или получения взяток. Всякий демократ яростно не желает терять награбленное. Даже когда рэкетиры пытают бизнесмена раскаленным паяльником, тот, как правило, молчит. Как рассказывал газете «Ведомости» известный российский магнат, Иванишвили, когда у него рэкетиры требовали выкуп, угрожая убийством похищенного ими брата, Иванишвили выкуп не заплатил, а свою семью отправил в Англию. Еще труднее заставить олигархов добровольно вернуть награбленное народу, пролетариям.

Именно в силу воинствующей бездуховности сегодня для «западной» и особенно для европейской «культуры» (американская культура есть, несомненно, европейская, доведенная до максимального абсурда) так типично воровство в беспрецедентно крупных размерах, стяжательство и, вытекающая из него, сквалыжность, обжорство, агрессивность и сексопатологии. Не много найдется типов «культур», так же преуспевших в приятии убогой пустоте своего духовного бытия утонченных и изощренных **форм**, как «западная». Например, красочные бои гладиаторов, зреющим обставленное сожжение «ведьм» или гильотинирование аристократов, кремация живых людей под музыку Моцарта в европейских концлагерях, съезды республиканской и демократической партий в США и т.д. Внутренняя пустота,смертная скука остро нуждается в компенсации и может найти её только в смене форм на всё более вычурные. Поэтому в современной «западной» жизни дизайнеры, имиджмейкеры, пиарщики, папари, режисёры, рокзвёзды ценятся не ниже инженеров и изобретателей, а оплачиваются выше. Без них убогое содержание «западной» жизни становится вопиющим.

Но лишь именно это, **ВНЕШНЕЕ**, доступно пониманию и ценно для большинства представителей западной «культуры» и её восточных поклонников. Их бесполезно убеждать в обратном, подобно тому, как бесполезно объяснять наркоману или алкоголику со стажем трагичность его положения. Их волевой аппарат сломлен, а понятийный уже не содержит широких и глубоких мировоззренческих ценностей. Поэтому **сегодня**, пока ещё, критика западной «культуры» имеет лишь научно-теоретическое значение.

Западная и особенно европейская культура, это тот самый редкий случай, когда можно согласится с известным российским богословом, Мережковским, утверждавшим в начале XX века, что нет более бездуховной культуры, чем западноевропейская, нет более мещанского мирка, чем мирок Западной Европы, «переплюнувшей» в смысле затхлости даже средневековый Китай. Но он лукавил, поскольку не было в России дворянина, который бы не жил, как на Западе, и очень мало царей, которые женились бы на славянках. Не случайно, что именно на базе западноевропейской «культуры» возникли первая и вторая мировые войны, что именно там изобрели и применили оружие **массового** уничтожения. Ясно, что от таких стандартов бытия порой хочется основательно отвлечься, убежать. И современные люди «бегут» в виртуальность альтернативного содержания. Именно потому «благополучный» Запад и лидирует по игорному бизнесу, самоубийствам, наркомании, психическим заболеваниям и войнам. Но и здесь россияне постепенно догоняют Запад. На них не произвело должного впечатления то обстоятельство, что пока они были советскими, то они долгое время занимали первое место в космосе, в атомной энергетике, в жилищном строительстве, в темпах прироста населения и т.д. А теперь - Москва - самый дорогой город мира. На дорогах РФ в автокатастрофах гибнет рекордное количество людей. Мы первые в мире по количеству убитых банкиров. В РФ уже практически нет своей гражданской авиации, бесплатной медицины.

Не сводят ли эти факты к минусовой величине все остальные достижения европейской культуры. Или, говоря иными словами, не являются ли мировые войны и фашизм более органичными, комплексными и исчерпывающими характеристиками западноевропейской «культуры», чем все открытия, например, Архимеда или Ньютона, тем более, что даже законы механики наиболее полно применялись на Западе **всегда** и сначала в военном деле, а уж потом где-нибудь в быту? Несомненно, являются. И сколько бы Шекспиров и Ньютонов не посадить на одну «чашу весов» истории, их труды не искупят грехов, например, греко-римского рабства, «святой инквизиции», конкисты, работторговли, Ницше, Муссолини, Гитлера и Черчилля.

Склонность западных европейцев к грандиозной лжи невозможно объяснить иначе, как полной атрофией в подавляющем числе европейцев

такого элемента мышления как **сознание**. Личная выгода, т.е. эгоизм, превратился в краеугольный камень всего западного мышления. Т.е. Гойя был, несомненно, прав, когда утверждал, что сон разума рождает чудовищ, и поэтому имел немало проблем со «святой церковью». Разумеется, могут сказать, но посмотрите, например, на римский Колизей. Это ли не шедевр архитектуры и, следовательно, культуры? Однако стоит спросить восторгающихся, а для чего, собственно, был построен Колизей? Чем он, принципиально, отличался от Освенцима, который тоже сохранен как грандиозный памятник именно европейской «культуры»?

Российские подражатели тупо учились у Мюнхгаузена, хотя и без особого блеска. Войнович, например, так и не дорох до славы Гашека, хотя его Чонкин явное заигрывание со Швейком. Только после перестройки, т.е. после непосредственного приобщения РФ к западной культуре, с потерей советской интернациональной творческой гордости, кинокооперативу «михалковых» удалось опуститься до «высот» западных стандартов, а российскому рыночному детективу - стать таким же продажным, каким был, в своё время, детектив Чайза или Агаты Кристи. Однако сказать, что «сибирский цирюльник» превзошел сивильского, а Устинова - Конан Дойля, не осмелится даже «Новая газета».

Даже Жванецкий не идет ни в какое сравнение с Мюнхгаузеном. Он потому и выступает в основном в РФ, что основная масса Запада его не поймет. Не тот масштаб лжи. Воспитанный в атмосфере социалистического реализма, стремящегося поднять человека над уровнем животных ценностей Запада, Жванецкий высмеивал чудачества интеллигентов и пьяниц, недостатки их быта вообще, не понимая, однако, что высмеивал краеугольные камни рыночной демократии, доставшиеся советской модели социализма в наследство еще от рыночной монархии России в виде многочисленных паниковских, воробьяниновых, лоханкиных... Он высмеивал именно тех негодяев, проходивших, протогорбачевых,protoельциных и прочих алкоголиков «транспортного цеха», которых с неизмеримо большим блеском высмеивали Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов, Андреев, Куприн, Райкин. С героями Жванецкого боролись и во времена Сталина. Как показала практика, не очень успешно и именно они превратились в главных проводников рыночного мракобесия на территории СССР, а затем и в дураков-вкладчиков и просто-фильт-дольщиков.

Жванецкий же прямо и активно вратил на социализм начал только после победы перестройки. Ведь совершенно очевидно, похвали он

с экрана что-нибудь социалистическое, ну, хотя бы, отсутствие при социализме ежедневных объявлений о росте угрозы взрывов в метро, и его бы лишили эфира, как, например, Генриха Боровика или Фисуненко. Попробовал бы Жванецкий «отблагодарить» в своей манере Чубайса, Ельцина, Лихачева, Сахарова, Старовойтову, Окуджаву или Евтушенок за то, что теперь в **КАЖДОЙ** российской школе весит большой идиотский стенд о том, как надо действовать детям в случае... захвата школы террористами. Впору благодарить диссидентов и за то, что теперь и в театрах нелишне вместе с программами выдавать инструкцию по выживанию.

Или попробовал бы Жванецкий высмеять западную культуру за то, что **ежегодно** в школах и офисах (как это часто любил говорить Собчак) «всех цивилизованных стран», детей берут в заложники отнюдь не исламисты, а коренные европейцы и расстреливают десятками маленьких девочек и мальчиков, учителей и бывших сослуживцев из автоматического оружия.

Но тогда бы Жванецкий не нашел бы и на поддержаный «жигуль». А так, со смешками и хахоньками, глядишь и новый внедорожник купил. Теперь, правда, Жванецкий **немножко** разобрался в тех, кому расчистил дорогу к власти и коррупции. Минорных ноток в его «хохмах» добавилось. Но, подобно мусорщику из «Пигмалиона», он уже не может добровольно отказаться от идиотизма европейской рыночной жизни, от гамбургеров, от возможности гордо стоять в дорожных пробках наравне с другими владельцами внедорожников или плестись с побитым «фейсом» по большаку после ограбления. Ему уже претит, как простому члену Союза писателей СССР, спуститься в экологически чистое и быстрое метро. Он почти выбился из шутников в князи демократии.

Говоря о ментальной склонности Запада к лжи, необходимо указать на её вирусную природу, трудно диагностируемый, постоянно мутирующий её характер. Образно говоря, Запад заразителен, прежде всего, ложью, а не комфортом. Но настоящим королевским комфортом там может заразиться только Абрамович и грузинские криминальные авторитеты. **Большинство** же российских туристов, и даже представителей «среднего класса», промелькнувших на Западе недалеко от Куршавеля, довольствуются лишь собственной фотографией на фоне Эйфелевой башни. Они постепенно перестают удивляться тому, что у миллионов парижан нет даже такой простенькой «роскоши» как личная фотография. Гавроши, бродяги, лаццарони, пауперы, маргиналы, гастарбайтеры, каторжане и другие представители соци-

альных «большинств» - не советское, а западное изобретение, особенно начиная с периода «огораживания».

Запад красив, как опускающийся на Женевские озера лебедь, зараженный птичьим гриппом. Он притягателен, как напомаженная проститутка с улицы «Красных фонарей», нафаршированная СПИДом. Всякий некритический ум заражается Западом и скоро начинает истерически врать самому себе. Поэтому закономерно, что, например, заигрывая с вечностью и давая оценку самому бесплодному периоду своей «писательской» деятельности на Западе, Василий Аксёнов озаглавил одну из своих последних книг - «Десятилетие клеветы». Да, чует кошка, чьё сало съела. Но пытается спасти лицо иронией, как и его учитель, неудавшийся полководец Мюнхгаузен.

Однако даже в этой, иронической самооценке своего десятилетнего творческого прозябания, Аксёнов не искренен. Главная цель его книги доказать самому себе, что он не предатель. А это можно сделать только одним способом. Продолжать врать. И Аксенов бездарно врёт, завернувшись в тогу человека, которому якобы есть какое-то дело до «бед» советских людей, а не только забота о своих мелких европейских удовольствиях.

Президент современной РФ недавно был вынужден честно признать, что в одной лишь России, за время перестройки, население сократилось на **тринадцать миллионов человек** всех национальностей, религий и сословий. Напомним читателям, что Гитлер в концлагерях сумел уничтожить лишь одиннадцать миллионов мирных советских граждан, включая женщин и детей (не считая боевых потерь Красной Армии). Путин не долго оставался бы Президентом РФ если бы го-

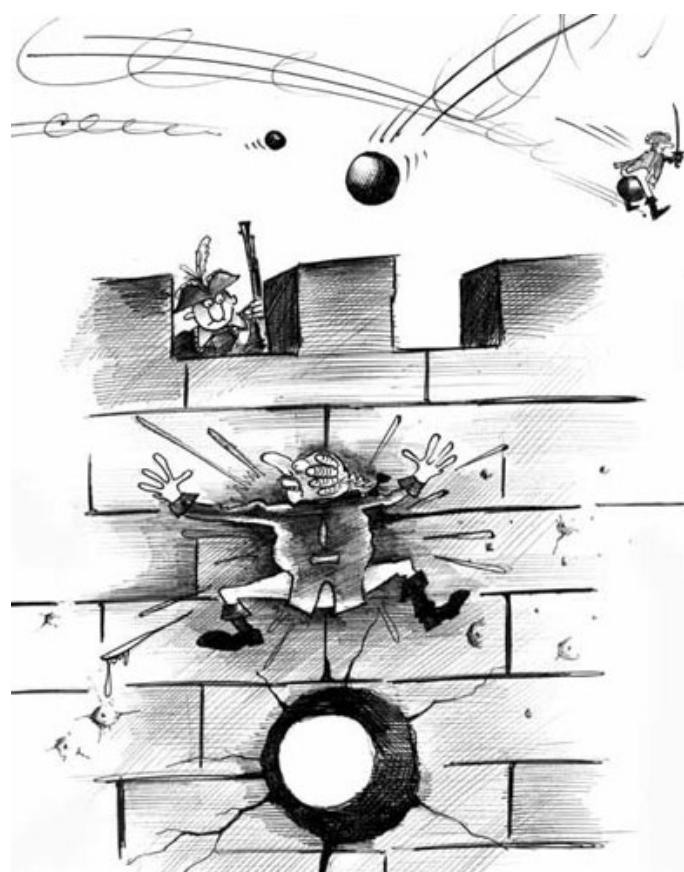
ворил всю правду о причинах этого геноцида. Но вы нигде не найдете адекватных реакций со стороны, например, Аксёнова. Это только простодыра Черномырдин может сказать: «Хотели как лучше...».

Ни Аксёнов, ни Алексеева, ни Радзиховский, не бьют ни в какие колокола. Их безразличие к уничтожению **13 000 000 СОВРЕМЕННИКОВ**, ни в чем не повинных простых бывших советских обывателей, доказывает, что Аксёнов и К° никогда не испытывали искреннего сострадания и к жертвам «сталинских» репрессий 1937 г.

Они никогда всерьёз не задумывались над вопиющими противоречиями собственных пасквилий на социализм, поскольку никогда не признавались вслух, что **все** его уродства родом из европейского капитализма.

В частности, в своей книге «Десятилетие клеветы», Аксёнов практически процитировал слова своей матери из её книги «Крутой маршрут», в которой Гинзбург пишет, что только после того, как она перестала упорствовать в доказательстве, что она

честный **советский** человек, наступили **существенные** послабления в её лагерных мытарствах. Нельзя же упрекнуть Аксёнова в том, что он не смотрел фильм «Власть соловецкая» о злоключениях комсомольца Лихачёва, который рассказывал, как над ним издевались офицеры НКВД, разговаривавшие между собой на **отличном дворянском французском** языке. Как могли попасть в НКВД выходцы из пролетарского класса, говорящие на хорошем французском? Откровения Керенского, а позднее и Ягоды на известном **открытом** процессе 1938 года проливают свет и на эту проблему. Но Аксёнов об этом никогда не напишет.

Что-то мюнхгаузены разлетались...

Зачем чинам КГБ, если бы они были искренними коммунистами, нужно было уговаривать других честных советских людей признать себя врагами коммунизма и только после этого делать их жизнь в лагере сносной? Честные размышления над этим вопросом привели бы к честным, но не «прозападным» выводам. А правильный вывод возможен. Ещё Керенский признавал в своих мемуарах, что его ошибочная политика в отношении царской жандармерии привела к тому, что многие жандармские следователи и сыщики перешли на красную сторону, хотя в душе остались их врагами. Поэтому, после падения Керенского, они, проникнув в ЧК, повели тонкую и эффективную борьбу против перспективных молодых большевистских кадров. Ничем иным невозможно объяснить, почему такое большое количество людей, которых сами диссиденты называли честными коммунистами, попали в тюрьмы и лагеря и почему следователи, говорящие на французском языке, выбивали из них признания в антикоммунизме.

Академик Лихачев не был бы вечно большой совестью демократической интеллигенции, если бы, проговорившись во время съёмок кинофильма «Власть соловецкая» об офицерах-белогвардейцах и, получив нагоняй от спонсоров, возможно и от самого Сороса, не попытался бы оправдаться в своих более поздних заказных «воспоминаниях».

«Принимали этапы в Кемперпункте - пишет поздний Лихачёв, - двое по очереди: Курилка и Белоозеров. Последнего я называл Белобородовым по ошибке: заключенные приписали ему эту фамилию, очевидно, путая с тем Белобородовым, что расстреливал царскую семью. Ни один из них не был гвардейским офицером, как у меня было сказано, и не говорил по-французски (разве что, зная одну-две фразы, находил особое удовольствие щеголять ими перед беспранными заключенными). Человек, видевший лично дело Курилки в Петрозаводске в 1989 г., говорил мне, что Курилка служил в Красной Армии, но в перипетиях Гражданской войны месяца два служил и в Белой. Однако сам выдавал себя за гвардейца. И от Н. П. Анциферова уже после нашего освобождения я слышал, что когда он (Анциферов) сидел в карцере, дожидаясь расстрела (которого, к счастью, избежал) вместе с Курилкой, то тот якобы сказал перед расстрелом: «Я умираю как чекист и гвардейский офицер». Он потребовал, чтобы ему стреляли не в затылок, а в лоб. Вполн-

не возможно, что те два месяца, что Курилка был в Белой Армии, он служил в полку, носившем звание гвардейского».

Представьте себе пролетария, или крестьянина, который «по ошибке» прослужил бы два месяца офицером в гвардейском полку среди дворян и «вольнонаёмных» и настолько заигрался, что даже пулью захотел получить по-гвардейски.

Если бы Лихачев прислушался к тому, как ругаются пролетарии и крестьяне, то понял бы, что угроза следователя, произнесенная во время допроса и приводимая Лихачевым в «его» воспоминаниях: «Я заставил тебя сопли лизать у мертвца», могла родиться лишь у корнета Оболенского или поручика Голицына. Истинно пролетарские следователи не могли знать ни о садизме, ни о мазохизме, столь модных в кругах интеллигенции.

Аксёнов, конечно, может сказать, что следователи выбивали показания, чтобы ускорить себе карьерный рост. Но тогда надо быть дважды негодяем, чтобы утверждать, что такие следователи были коммунистами. Ведь и Аксенову известно, что коммунист, по определению, это человек, который никогда не совершает аморальных поступков, который готов всегда отдать свою жизнь за правду, более решительно, чем Иисус Христос. Если же следователь **издевается** в ходе следствия, сознательно толкает подследственного на самооговор, то он не коммунист, а простой демократический следователь, каких сейчас в РФ «пруд пруди», точно такой, как сам Аксёнов, способный многократно перекраситься, готовый на любое предательство, пока это приносит личные выгоды. Побыть советским писателем, и, возможно, быть в комсомоле, ничего в этом не понять и при случае предать СССР, как и генерал Калугин, как Яковлев, секретарь по идеологии ЦК КПСС. Таков и Аксёнов.

Путать коммуниста с членом партии может только полный дебил или сознательный лжец. Ленин честно предупреждал, что после того, как партия станет правящей, в неё полезут все негодяи царской и керенской России. И они полезли, сознательно и планомерно обгаживая и дискредитируя имя и дело коммунистов.

Аксёнов никогда не пытался объяснить внятно своим читателям, почему **страшное, все-проникающее и всевидящее** КГБ в «наказание» за антисоветское пасквилянтство... отпустило Аксёнова на Запад? **Почему** путёвку на Запад он получил только после того, как оформился в признанного антисоветского, антисоциалистического писателя? Ведь только после перерождения «брата лис» из «страшного» КГБ отпустил

«брата кролика», Аксенова, в... «терновые кусты», т.е. на Запад. Почему, например, Новодворскую и Убожко КГБ не побоялись упечь в психушку, а Аксёнова «побоялись»?

Ни у Новодворской, ни у Убожко не было достаточной риторической импозантности для озвучивания изощренной лжи. Было ясно, что на радиостанции «Свобода» они бы врали, как «слон в посудной лавке». По той же причине всю жизнь промаялась в СССР, например, знаменитая правозащитница Алексеева, Пономарёв. Их даже в годы ельцинизма не часто допускали к микрофону, чтобы не вызывать тоску и настороженность у будущих обманутых вкладчиков и дольщиков.

Если бы «творчество» Аксёнова продолжало вращаться в русле примитивной лирической бытовщины «Звёздного билета» или «Апельсинов из Марокко», то писатель такого уровня «таланта» как Аксёнов, нужен был бы Западу, как «братцу лису» - барабан без кожи. Аксёнов так и прозывал бы в СССР без «Пепси-колы», как простой Шолохов после «Поднятой целины». А так... каждый день бутылка «пепси» и пачка печенья.

Именно по этому сценарию Андропов и Яковлев вырастили для свободно-лгущего Запада Синявского, Максимова, Солженицына, Буковского, Щаранского и т.д. Т.е. брался на заметку субъект, страдающий словесной диареей. Сначала лестью поощрялась атрофия его политического обоняния. Затем осуществлялась инсценировка преследования со стороны КГБ. Об этом широко оповещалась советская техническая интелигенция, а затем худший враг социализма... отпускался Андроповым на Запад. Т.е. давно пора понять, что в КГБ СССР во времена Андропова и Яковleva работал **инкубатор** по выращиванию профессиональных лжецов для Запада. Именно поэтому, в знак благодарности, в одной из самых коррумпированных и дорогих демократических столиц мира, Москве, до сих пор существует проспект председателя КГБ СССР, Андропова, а каждый его юбилей превращается на рыночном ТВ в маленький праздник благодарных бывших советских диссидентов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. О ЧЕМ ЖЕ ЛГУТ СЕГОДНЯ?

Строго говоря, практически всё, что написано о политической экономии после Давида Рикардо в качестве апологетики рыночной экономики - или замаскированная ложь, или издевательство над

логикой. Даже те творения, которые некоторое время использовались на практике и приносили некоторые дивиденды, например, разработки Кейнса или Леонтьева, с научной точки зрения являются абсурдными, а пропаганда их «достоинств» - заведомой ложью. Поэтому, в конечном итоге, применение наиболее изощренных апологетических разработок рыночной теории всегда оказывалось подобным применению наркотиков в деле «лечения» ракового больного. Он медленно умирал, не теряя хорошего настроения.

Поэтому наиболее ложным из всех выводов, сделанных за последние два десятилетия рыночными теоретиками, является их вывод о победе капитализма над коммунизмом. Размышления рыночников на эту тему похожи на размышления того же ракового больного, который узнал, что несколько его конкретных конкурентов погибли в авиакатастрофе. «Ну, вот, - говорит себе раковый больной, - теперь мои дела в бизнесе пойдут лучше».

Точно такой бессмыслицей является и утверждение о том, что коммунизм проиграл капитализму. И здесь дело не только в том, что «ещё не вечер» вообще. И дело даже не в том, что США для защиты своего образа жизни приходится бомбить Югославию, Афганистан, Ирак, содержать во многих странах тайные тюрьмы ЦРУ... Дело, прежде всего, в том, что борцы с коммунизмом не знают и, в силу укоренившегося спекулятивного метода мышления, и никогда не узнают, что такое коммунизм и, следовательно, как с ним бороться. Т.е. не со страной, под названием СССР, а именно с коммунизмом, как продуктом «развития» и разложения самого капитализма. Нехватка логической образованности не позволяет противникам коммунизма понять, что рост их усилий по борьбе с коммунизмом означает, прежде всего, то, что в гибели коммунизма нет никакого автоматизма. Более того, почти как в физике, ровно в той мере, в какой капитализм будет наращивать свои усилия в борьбе с коммунизмом, он будет получать обратно направленный эффект. Никогда при живом СССР во всём мире не сжигалось столько американских флагов и не убивалось такое количество американских солдат и граждан, как сегодня, после раз渲ла СССР. Иными словами, сизифов труд под названием «борьба с коммунизмом» не может привести к какой-либо форме победы, кроме гибели самих капиталистических производственных отношений, чем дальше, тем больше доказывающих свою социально-паразитарную природу.

Не явно выраженная картина умирания капитализма, объясняется не только и не столько бес-

смертием капитализма, сколько медленным созреванием субъективного фактора гибели капитализма. Образно говоря, тот факт, что сегодня крокодил съел антилопу, не означает, что крокодил будет жить вечно. Поэтому современный капитализм умирает в рамках естественных темпов своего разложения, незамутненного, к сожалению, активностью мирового коммунистического движения. Разумеется, дело «усыхания» капиталистического способа хозяйствования в мировой экономике пошло бы динамичнее, если бы строительство коммунистического способа производства развивалось усилиями большего числа народов, чем сегодня. Но современное коммунистическое движение никогда не было, за всю историю своего существования, не характеризовалось столь низкой научно-теоретической культурностью, как сегодня. Именно поэтому у наиболее поверхностных умов возникает иллюзия некоего ренессанса капитализма. А раз основная масса населения не понимает, что такое коммунизм, то это и вдохновляет его сознательных противников на новые витки лжи в надежде продлить свою агонию.

Что же касается тех немногих представителей современного коммунистического движения, которые никогда не прерывали свою научно-теоретическую деятельность и упорно искали научный ответ на вопрос о причинах реставрации капитализма в республиках СССР, в большинстве своём склоняются к выводу, что никаких ОБЪЕКТИВНЫХ внутренних причин затухания коммунизма в СССР не существовало и не существует. Напротив, начиная с Хрущева, большая часть руководства КПСС в силу малограммотности, а в большинстве случаев мстительности, делала всё возможное для дискредитации и уничтожения коммунистических основ экономики Советского Союза. Несмотря на это, прочности коммунистических плановых начал в экономике СССР хватило ещё почти на сорок лет после смерти Сталина.

Более того, даже директор ЦРУ, Роберт Гейтс, давая интервью западным журналистам на Крас-

ной площади в августе 1991 года впервые честно, как победитель, которому показалось, что победа над коммунизмом одержана полностью и окончательно, признался: **«Мы хорошо понимали, что Советский Союз ни гонкой вооружений, ни экономическим давлением, ни, тем более, силой не возьмешь, его можно было взять, только организовав взрыв изнутри»**. В свете этого высказывания легче определить цену доморощенным демократам, которые утверждают всегда обратное, что Америка разорила СССР гонкой вооружения и санкциями. О том же, как взрывали СССР изнутри, например, Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе легко можно узнать, прочитав их мемуары. С позиций всего уже произошедшего, нетрудно догадаться, чем занимался, например, Егор Гайдар, когда занимал пост редактора экономического отдела журнала «Коммунист», главного теоретического органа ЦК КПСС. Ясно, что один такой «коммунистический» теоретик сделал для дискредитации теории марксизма и коммунистической практики больше, чем все аксёновы и щаранские вместе взятые.

Короче говоря, резкое улучшение социально-экономического и военно-политического положения трудящихся РФ невозможно раньше, чем в их сознании растопятся айсберги лжи об «ужасах» коммунизма и «прелестях» капитализма.

В последующих номерах журнала «Прорыв», редколлегия планирует опубликовать серию статей, освещдающих как коренные проблемы коммунизма, так и ложность современных концепций рыночной экономики.

По тематике коммунизма будут рассмотрены проблемы сущности общественной собственности, мотивации человеческой деятельности, не-кризисного, неконфликтного, гармоничного развития экономики, семьи, личности.

В части критики ложных буржуазных концепций, планируется с диалектико-материалистических позиций исследовать вопросы сущности частной собственности, товарного производства, денег, инфляции, рынка «труда», экономической природы фашизма и т.д.

ПРИЗЫВНАЯ ИЛИ НАЁМНАЯ АРМИЯ: ФОРМА КОМПЛЕКТАЦИИ БУРЖУАЗНОЙ АРМИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Лбов

Вопрос о призывае в армию для современного российского общества как нельзя более актуален. С одной стороны, правительство РФ, нуждаясь в армии для защиты вполне наличествующих империалистических интересов, прилагает все усилия, чтобы обеспечить комплектность своих вооруженных сил как инструмента этой политики. С другой стороны, налицо стихийное сопротивление этому со стороны широких масс, в силу чего в обществе не утихают споры о формах комплектации армии, о реформировании армии и об отношении к службе в армии.

Коммунисты в целом, на мой взгляд, к сожалению, до сих пор не выработали четкую позицию относительно целого ряда положений: идти ли служить в армию РФ молодому пролетарию, какая форма комплектации армии для коммунистов более предпочтительна, какую политику относительно армии в целом проводить и каким образом вести агитационно-пропагандистскую работу в армии. Однако это не значит, что попытки определиться по этим вопросам не делаются. Например, в газете РКСМ(б) «Бумбараш 2017» с начала года появились статьи, посвященные этой теме. Вполне закономерно, что за это дело взялась молодежная организация, ибо, соприкасаясь с современной молодежью, нельзя не столкнуться с этой темой. Однако, на взгляд автора, вопросы, которые стоят на настоящий момент перед коммунистами, ни одна из этих статей не раскрыла. Наоборот, публикации показали наличие серьезных и существенных заблуждений комсомольцев относительно буржуазной армии, ее роли в восстании и нашей политики по вопросу о том, служить ли в ней или не служить и является ли призывная армия для нас более предпочтительной, чем наемная. Например, РКСМ(б) в публикациях повторил стандартные оппозиционные заблуждения о том, что призыва-

ная армия для нас предпочтительнее, чем наемная, что в такой армии надо обязательно служить, что пропагандистская работа в армии невозможна без службы в ней, а революция невозможна без выступления на стороне восставших буржуазной армии. Поэтому автор решил изложить свои взгляды на эти вопросы в отдельной статье.

1. Призывная и наемная армия – две стороны одной медали.

В своем анализе способа комплектации армии и его влияния на ход и результат будущей социалистической революции мы должны, прежде всего, отталкиваться от того, что марксизм выделяет два общих способа комплектования вооруженных сил: иррегулярное ополчение и постоянная армия. В дальнейшем, анализируя оба этих способа, марксизм выделяет в первом случае две основные формы – всеобщее вооружение народа и частичное вооружение (добровольчество или вооружение отдельного класса), в случае же постоянной армии марксизм выделяет также две формы: наемная и призывная армия. Иными словами, когда мы говорим о противоположности наемной и призывной армии, мы имеем в виду всегда лишь частную противоположность, противоположность форм, и указываем на единство содержания.

Причем как классики марксизма, так и советская историческая наука рассматривала постоянные армии как важнейший элемент именно буржуазной формации, отличавший ее военную организацию от других социально-экономических формаций, а сам принцип регулярности армии – как важнейший показатель расцвета эксплуата-

торской формации, который, как должно быть ясно каждому марксисту, не может произойти без самой жесточайшей эксплуатации трудового населения.

Классический феодализм не знал постоянных армий – феодалы, окруженные немногочисленной охраной и сидя в неприступном замке могли себе позволить такую роскошь, как собирать феодальное ополчение из вассалов только на время войны, в то время как буржуазия, постоянно передвигаясь по миру в условиях феодального разбоя, нуждалась в постоянной защите своих капиталов, потому в условиях феодализма купечество либо нанимало постоянную охрану, либо вооружало своих слуг, включая охрану имущества в обязанности своих приказчиков, матросов и грузчиков постольку, поскольку те были зависимы от них материально. Именно буржуазия, в противовес рыцарскому войску, этому «феодальному сброду, более похожему на шайку разбойников», мечтавшему поживиться имуществом бургевров, противопоставила регулярную армию, с ее дисциплиной, строем, централизованным руководством, обучением, несением караульной службы, постоянной готовностью отразить любое нападение. Важно тут также отметить, что как Маркс и Энгельс, так и советские историки рассматривали формирование постоянных абсолютистских армий как заимствование разлагающегося феодализма у буржуазии, вызванное необходимостью борьбы с этой самой буржуазией.

Именно в регулярности была гарантия защиты классовых интересов буржуа, а вовсе не в вопросе, платить ли солдату звонкой монетой или же патриотической риторикой. Потому буржуазия довела регулярность до своего логического завершения, до которого не додумались ни римские рабовладельцы, ни тевтонские магистры. Выдающийся буржуазный полководец Нидерландской буржуазной революции Мориц Оранский выработал не только основы любой регулярной армии современности - устав и строй, но даже ввел систему воинских званий и разработал 300 основных команд, многие из которых используются по сей день.

Как же действует тот фактор, который гарантирует буржуазии лояльность постоянной армии? Этот вопрос достаточно хорошо изучен историками и военными теоретиками, но недостаточно изучен доморощенными «марксистами», которые совершенно забывают об общем, муссируя частности комплектации буржуазной армии. Любая служба в постоянной армии отрывает военнослужащего от его прежнего места в производстве и ставит в ту или иную зависимость от

правящего класса – это может быть принуждение или наем, но, попадая в постоянную армию, человек не может не считаться с тем, что его воля ограничена. Система воспитания и подготовки солдата в постоянной армии всегда направлена на то, чтобы человек забыл про свое место в производстве и ассоциировал это место с армией. Наемная армия и призыв влияют лишь на форму этой системы принуждения и пропаганды, которая, в свою очередь, может влиять на успешность работы такой системы. Но в целом историческая практика показывает, что минимально необходимый уровень солдатской забывчивости удается достигать при любом раскладе (это подтверждается хотя бы тем, что практически все капиталистические государства, в основном существующие довольно-таки долго, весьма успешно проходили через обе формы комплектации армии).

Фактически и то и другое являются формой налога кровью. В случае призыва – налог этот прямой, в случае же найма – выступает в той завуалированной форме грабежа, которым является любая продажа рабочей силы. Пролетариат примерно в равной степени не заинтересован ни в той, ни в другой форме комплектации армии, как не заинтересован ни в том, чтобы платить государству налоги, ни в том, чтобы отдавать хозяину прибавочную стоимость.

Этот фактор тоже объединяет наемную и призывную армию. Одним общим фактором, который является объединяющим для обеих форм армии, есть одинаково низкий моральный уровень по сравнению с любыми формами народного ополчения – как с буржуазными, так и с пролетарскими. Наилучшей в моральном отношении вооруженной силой для защиты классовых интересов любого класса всегда являлось вооруженное ополчение по классовому признаку, то есть вооруженный класс. Именно такая военная организация гарантирует наилучшую моральную стойкость войска, осознанную защиту классовых интересов, а не войну по найму или принуждению.

Практика всегда показывала большую моральную стойкость вооруженного класса, разумеется, в тех случаях, когда класс осознавал свои классовые интересы. Причем это характерно не только для эксплуатируемых, но и эксплуататорских классов. В те времена, когда обстоятельства заставляют эксплуататорский класс взяться за оружие самостоятельно для защиты своих кровных интересов (а это случается особенно часто в эпоху восстаний и революций), он дерется отчаянно и упорно. Героически воевали римские легионы против Спартака. Сынки патрициев очень

хорошо знали, что победи Спартак, им самим предстоит ишачить на плантациях своих бывших рабов, если только их сразу не перережут. Как ни плохо воевала русская дворянская конница против татар и как ни дезертировали из нее дворяне и бояре в русско-польских войнах, перед лицом народных восстаний Болотникова и Разина ее боеспособность увеличивалась в разы. Наполеон с его буржуазным кодексом напугал русских бар до такой степени, что они даже объявили Отечественную войну и выдвинули из своих рядов целый ряд талантливых полководцев. В России Наполеон, в частности, потерпел поражение еще и потому, что имел дело не только с русской рекрутской армией – эту армию он успешно бил и при Аустерлице, и под Прейсиш-Эйлау, но еще и с дворянским, с одной стороны, и мужицким, с другой, ополчениями. Памятую об этом при ответе на вопрос, что для нас лучше – наемная или призывная армия, можно уверенно сказать: «обе хуже».

Эти основные объединяющие обе формы постоянной армии черты – регулярность, отрыв части населения от производства, системы воспитания солдата как такового – есть основные факторы, из которых мы должны в первую очередь исходить в нашей политике относительно способа комплектации буржуазной армии и проблемы службы коммунистов в ней. По отношению к этому призыв и наем есть лишь незначительные частности.

Для нас в первую очередь важны те факторы, что, во-первых, регулярный характер армии не дает солдату времени для политического осмысливания приказов, которые он исполняет. Например, в 1914 году запасные полки всегда были куда менее патриотически настроены, чем регулярные, в частности, потому, что за время сбора успели осмыслить все, что им война несет, а потому гораздо чаще разбегались на поле боя, в отличие от кадровых бодрячков, с бездумной послушностью шагавших на пулеметы. Отрыв от производства также не срабатывает в пользу политического осмысливания приказов – после года в армии человек уже перестает ассоциировать себя со своим гражданским местом в жизни, а потому приходится напоминать об этом отдельно. Потому в обращениях РСДРП к солдатам рефреном звучало, что они – рабочие и крестьяне, только одетые в шинели. Надо было пробить брешь в системе воспитания солдата, построенной на строгом иерархическом подчинении, превращении солдата в механизм, не задумывающийся над сутью приказов.

2. Военная политика большевиков и военная программа современных коммунистов

Коммунисты, в общем, никогда не скрывали, что для достижения своих целей они готовы применить по отношению к правящему классу вооруженное насилие, если такое насилие в определенной обстановке им будет выгодно применить. Это означает в первую очередь то, что при благоприятных условиях коммунисты доводят свою тактику до вооруженного восстания рабочего класса против буржуазии с целью лишения ее политической власти. Постольку поскольку в таком случае буржуазия не преминет воспользоваться армией как инструментом подавления этого восстания (хотя формально это в функции армии не входит), военная политика коммунистов должна решать задачу ослабления боеспособности буржуазной армии в условиях вооруженного восстания. При этом по своему классовому характеру военная сила восставших в этом восстании не может из себя представлять ничего иного, кроме самого вооруженного класса.

Почему? Да потому, что никто не будет кроме самого рабочего класса проливать кровь за его интересы. Политика же коммунистов состоит в том, что они не преподносят пролетариату власть на блюдечке, а должны научить его эту власть завоевывать. Поэтому первая, и наиболее вероятная и предпочтительная форма военной организации – это пролетарское ополчение. И задача коммунистов в буржуазных условиях создать по максимуму условия, в которых возможно было бы сформировать и укомплектовать революционные вооруженные силы и ликвидировать или же ослабить силы буржуазии. Наиболее предпочтительной при этом является ситуация, когда у буржуазии вообще нет никакой армии. В таком случае самое незначительное вооружение пролетариата будет означать нашу полную победу. То есть, мы должны требовать от буржуазии распустить свою армию вообще к чертям собачьим. Однако для буржуазии распустить армию – это не только сдаться перед пролетариатом, но и сдаться перед конкурентами. Поэтому даже в случае воз-

можных заигрываний и уступок пролетариату со стороны буржуазии не следует рассчитывать, что она на такое когда-либо пойдет.

Вторым по предпочтительности вариантом является иррегулярное буржуазное ополчение. Если у буржуазии есть какие-то интересы, которые надо защищать – то пусть она сама их и защищает. Неужели пролетарий должен защищать своё скотское положение в капиталистическом обществе? В этом же случае результат столкновения буржуазного и пролетарского ополчения заведомо ясен. Как сказал Наполеон, «бог на стороне больших батальонов». Если в среднем соотношение буржуазии к пролетариату колеблется на уровне 1/24, то, как показывает исторический опыт, это же соотношение сохранится и в численности армий, комплектуемых на основе всеобщего вооружения обоих классов. Даже при наличии технического превосходства побеждить столь численно превосходящего противника весьма проблематично.

Но буржуазия, разумеется, великолепно понимает всю опасность такого положения. Поэтому создание постоянной армии и явилось тем предлогом, под которым население было отлучено от оружия и права организовываться в военные организации. Лицемерно пропев в «Марсельезе» «Aux armes, citoyen, Formez vos bataillons», буржуазия законодательно запретила этим самым гражданам иметь оружие и формировать батальоны. Потому и разрушение этой монополии есть первая и основная задача коммунистов в вооруженном восстании. При этом, как не может быть шаблонов в любой войне, не может быть и универсальных шаблонов в разрушении этой монополии. В условиях буржуазной легальности эта задача может принимать форму максимальной демократизации капиталистической армии.

Но наиболее выгодный для пролетариата способ разрушения монополии буржуазии на оружие сформулировали основоположники

марксизма, выдвинув лозунг всеобщего вооружения народа, а большевики постарались воплотить его в жизнь. В резолюции Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП в июле 1917 года говорилось:

«Постоянные армии являются со временем окончательного торжества капиталистического способа производства одним из самых могучих и вернейших средств в руках правящей буржуазии для поддерживания в неприкосненности основ своего классового господства и для дальнейшего расширения

и распространения того же господства в странах и областях низшей культуры — так называемых колониях, и в редких сравнительно случаях для вооруженной борьбы за мировое господство между руководящими группами национальных объе-

динений буржуазии с другими такими же национальными объединениями. Отсюда коренное противоречие постоянных армий с интересами народа и стремление, с другой стороны, буржуазии ввести постоянные армии даже там, где их до сих пор не было, как, например, и Англии. Постоянные армии невыносимо увеличивают с каждым годом все более и более налоговое бремя, лежащее на населении, и в большинстве случаев на рабочих и крестьянах, составляющих большинство в каждой стране, отнимают от деревень и сел лучшую, самую трудоспособную часть населения от производственного труда и, будучи построены на принципах слепого подчинения, уродуют и уничтожают человеческую личность. Все это вместе взятое заставляет революционную социал-демократию самым категорическим образом требовать и бороться

за немедленное и повсеместное уничтожение постоянных армий и замену их всенародной милицией и всеобщим вооружением народа.

Социал-демократия полагает, что право народа на оружие есть такое же его неотъемлемое право, как и другие гражданские права, что только реакционные цели могут когда-либо продиктовать кому-либо требование каких-либо ограничений на право тех граждан приобрести, и пользоваться в законных формах оружием, что ни может быть и не должно быть под каким бы то ни было предлогом стесняемо право образования свободных стрелковых обществ гражданами, обучение же обращению с оружием должно входить в качестве одного из курсов в общественных городских и сельских школах под контролем демократических органов самоуправления.

Для охраны страны постоянная армия с успехом заменяется народной милицией с возможно более кратковременными сроками призыва, с возможно более немногочисленным составом кадров с выборными органами взамен назначенных сверху офицеров и чиновников. Опыт Мировой войны достаточно показал, что для выработки и воспитания солдата совершенно не нужен прежний тяжелый трехлетний срок и двухмесячного обучения вполне достаточно для того, чтобы солдат смог нести тяжесть войны не хуже прежних солдат действительной службы армии довоенного времени; в частности сейчас в России социал-демократия до общего преобразования армии требует:

вооружения и образования рабочих батальонов красной гвардии из рабочих обоего пола, самоуправляющихся и находящихся в распоряжении выборных рабочих организаций районом крупных пролетарских центров, районов и областей;

таких же отрядов народной армии в сельских областях;

уничтожения всех родов прежней полиции и замены ее контролируемой народом милицией;

замены всех назначенных военных чиновников выборными представи-

вителями народа;

демократизации всех решительно учреждений военного характера, сохранение которых пока что связано с ведением продолжающейся войны».

В перечисленных требованиях содержится основная суть большевистской стратегии в отношении армейского института в принципе. Иными словами, большевики выступали не просто за демократизацию армии, как это написано в учебниках истории, а за полный распуск всех постоянных армий с заменой их вооруженным народом.

VIII съезд ВКП(б) констатировал:

«Можно считать теоретически неопровергимым, что самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян в условиях, близких к их повседневному труду. Общее оздоровление промышленности, повышение коллективности и производительности сельскохозяйственного труда создавало бы здоровую основу для армии, роты, батальоны, полки, бригады, дивизии которой совпадали бы с мастерскими заводов, заводами, деревнями, волостями, уездами, губерниями и пр. Такая армия, формирование которой шло бы нога в ногу с хозяйственным подъемом страны и параллельным воспитанием командного состава, стала бы самой непобедимой армией в мире. К именно такой армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем».

Это было сказано в то время, когда Красная армия уже формировалась на основе мобилизационной, когда она представляла собой в массе своей такую же постоянную армию, как и армии капиталистических государств. Там же и аргументировалось, почему на данный момент формирование Красной армии противоречит этой большевистской программе:

«Отбрасывая на ближайший исторический период так называемый всенародный характер милиции, как он значился в нашей старой программе, мы отнюдь не порываем с программой милиции как таковой. Политическую демократию мы ставим на классовые основы и превращаем ее в советскую демократию. Милицию мы переносим на классовые основы и превращаем в со-

ветскую милицию. Очередная программа работы состоит, следовательно, в создании армии рабочих и крестьянской бедноты на основе обязательного обучения военному делу внеказарменным, по возможности, путем, т.е. в условиях, близких к трудовой обстановке рабочего класса».

То есть, большевики, делая уступку объективным обстоятельствам Гражданской войны, которые не позволяли развернуть на должном уровне массовое военное обучение в те сроки, которые ставили реалии текущей войны, никогда не возводили эту уступку в норму, как этим постоянно грешат оппортунисты. Характер постоянной советской армии как уступки буржуазному внешнему окружению, мелкобуржуазной внутренней стихии и низкому уровню военной подготовки пролетариата вполне осознавался до той поры, пока руководство страны и армии не скатилось на оппортунистические рельсы. Осознавая, что любая постоянная армия по своей природе не армия трудящихся (вернее, не совсем армия трудящихся), что она может легко отчуждаться от рабочего класса и выступить против него по своим имманентным свойствам постоянной армии, в 20-е – 50-е гг. эти факты старались максимально нейтрализовать и приблизить армию к коммунистическому идеалу не мытьем, так катанием. Смешанная форма комплектации, сочетавшая постоянную армию с милиционной (отмененная только ввиду близкой мировой войны), сохранение классового принципа комплектования (кулак или поп, например, призваны быть не могли в принципе), развитие военно-спортивных организаций и милитаризированных объединений, пропаганда военного обучения, введение военного обучения в школах, постоянные кратковременные призывы тех или иных категорий граждан на сборы для военного обучения, постоянные политические проверки командного состава – все это, безусловно, не отменяло негативных черт постоянной армии, но давало определенную гарантию, что в случае контрреволюционного выступления армии возможно будет попросту вооружить народ.

Увязывая программу всеобщего вооружения народа с вопросом о вооруженном восстании, большевики и в 1905 году не связывали победу революции с обязательным восстанием в собственно армии, иными словами, восстание пролетариата не было обусловлено обязательным же восстанием в армии. Ситуация

была обратной – не восстание в армии большевики считали условием восстания рабочих, а наоборот, восстание рабочих должно было вызвать колебания и в конечном счете восстание в армии. В.И. Ленин это сформулировал в своей статье «Уроки московского восстания»:

«Другой урок касается характера восстания, способа ведения его, условия перехода войск на сторону народа. У нас в правом крыле партии сильно распространена крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в качестве единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны и сознания, с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвленность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно народном движении, колебание войска приводит при обострении вооруженной борьбы к настойчивой борьбе за войско... Мы готовили и будем еще упорнее готовить идеиную «обработку» войска. Но мы будем жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско».

И далее: «Не пассивность должны проповедовать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско, - нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбе за колеблющееся войско».

Большевики, таким образом, делали все, чтобы перетянуть армию на свою сторону, но при условии недостаточной революционированности армии не отказывались от восстания как такового. То есть рассчитывали на **победу** над этой армией. На IV съезд РСДРП в апреле 1906 года большевики вышли с резолюцией «О вооруженном восстании», где говорилось: «декабрьское восстание выдвинуло новую баррикадную тактику и доказало во-

обще возможность открытой вооруженной борьбы народа даже против современного войска». Однако революционная практика показала не только возможность успешной борьбы с преданными царизму войсками. Она показала и неизбежность перехода части армии на сторону революции, что прояснило многие вопросы работы военных организаций РСДРП.

Важными документами, которые проясняют политику большевиков в вооруженном восстании, являются резолюции первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. Конференция проходила 16-22 ноября 1906 года, в разгар первой русской революции, и исходила из того, что «настоящий политический момент следует рассматривать как канун новой, еще более грандиозной вооруженной борьбы революционного народа с царским правительством и реакционными силами страны». В резолюции «О роли партии в вооруженном восстании» дается формулировка задач партии в вооруженном восстании: «конференция военных и боевых организаций РСДРП признает:

...3) что работа партии в целом должна свестись: во-первых, к возможно большему расширению и углублению нашего идейного и организационного влияния на демократические массы населения (пролетариат, крестьянство и мелкое крестьянство); во-вторых, к приведению этих идейно и организационно закрепленных за партией масс в состояние боевой готовности (работа боевых организаций); в-третьих, к идейной и организационной боевой работе в армии (деятельность военных организаций) и, в четвертых, к обеспечению самой тесной связи и взаимодействия общепролетарских, военных и боевых организаций».

Иными словами, в основных задачах партии в вопросе об организации нового вооруженного восстания работа в армии стоит на третьем месте, а на первом стоит работа в пролетарских массах и среди беднейшего крестьянства. РСДРП понимала, что в первую очередь успех восстания будет зависеть не от позиции армии как таковой, а от позиции основной массы пролетариата и крестьянства. При этом революционированность армии не бралась как непосредственное следствие работы военных организаций в армии. В констатирующей части резолюции «Задачи военных организаций» говорилось: «революционирование различ-

ных элементов в армии в значительной степени является результатом происходящей в России буржуазно-демократической революции... в этой революции расслоение армии на монархически-реакционную и демократически-революционную неизбежно ставит перед военными организациями задачу выяснить перед армией цели и задачи происходящего буржуазно-демократического переворота».

Опыт первой русской революции показывает, что в отличие от представлений наших доморощенных революционеров, **дезорганизация армии и расслоение ее на революционную и реакционную есть следствие не успешной или неуспешной работы непосредственно военных организаций, а следствие реакции армии на революцию следствие ее контакта с настроениями в массах гражданского населения**. Признавая именно этот фактор как решающий в настроениях армии, большевики и ставили основными задачами повышения идейного влияния на основную часть населения как самый эффективный способ деморализации и ослабления режима в целом, и армии частности.

События сентября-октября 1993 года также дают нам факты, которые показывают, что никакими ухищрениями нельзя развернуть агитацию и пропаганду в армии лучше, чем посредством ее контактов с революционными массами. Части МВД, которые выполняли задачу блокады Дома Советов, в короткий срок под воздействием пропаганды деморализовались и в критический момент были неспособны к серьезным действиям, вследствие чего и были применены части специального назначения и отдельная дивизия МВД, находившиеся до этого на казарменном положении и контактов с оппозицией не имевшие. А между тем любые полицейские структуры – ни что иное, как те же наемные части. И коль уж они оказались в тех условиях распространены и деморализованы, то глупо говорить, что наемный или призывной способ комплектования настолько сильно влияет на моральное состояние армии в революционный период. **Массовость революционных сил** – вот основной фактор, который воздействует одинаково сильно как на призывную, так и на наемную армии вне зависимости от ее лояльности или нелояльности правительству. Потому что ни один здравомыслящий человек, ни из числа офицеров, ни из солдат ни за

какие коврижки не согласится воевать сразу со всей страной, с каждым ее гражданином, вне зависимости от того, хорошо или плохо он вооружен. Воевать с превосходящим численно в десятки раз противником, рассеянным по всей стране, в условиях самого массового саботажа (коим и является всеобщая политическая стачка) успешно не может ни одна, даже самая лучшая армия.

Собственно же задачи по формированию на базе военных организаций в армии революционных вооруженных сил в практике РСДРП(б) встречаются только в июне 1917 года в резолюции Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б) «Цели и задачи военной организации»:

«Условия переживаемого момента внутри России ставят перед военными организациями еще одну важную задачу. Незаконченный характер и грандиозных размахов российской революции и указанная в п.3 особая роль российской революции в открывающейся в результате небывалой империалистической войны всемирной пролетарской революции, широкие перспективы глубоких коренных реформ, которые еще предстоят в сфере земельного и рабочего вопроса, возлагают на военные организации задачу стремиться создать из примыкающих и идущих за социал-демократией революционно-демократических элементов армии – материальный вооруженный оплот для революции и поставленных ей в порядок дня требований».

Из этой цитаты мы видим, что постановка формирования вооруженных сил из состава армии вызваны двумя факторами – усилением роли военных организаций РСДРП(б) в уже фактически революционизированной войной и революцией в тылу армии и перспективами новой революции. Почему большевики не ставили такую задачу в 1905 году, совершенно понятно – для такой работы в армии попросту не было условий, не было такого стихийного массового подъема в армии, вызванного революцией в тылу, не было такого массового недовольства в армии, и потому гораздо больший упор делался на формирование революционных вооруженных сил из числа гражданского населения.

При этом даже в самых благоприятных условиях задачей военных организаций в первую оче-

редь ставится все-таки пропаганда и агитация в армии, а не обучение военному делу как таковое (как ошибочно считают многие молодые коммунисты):

«Военная организация РСДРП, будучи одной из частей общепролетарской организации, ставит в первую голову основной и главной задачей ту же задачу, что и всякая иная организация нашей партии: именно пропаганду и распространение в солдатской среде, состоящей в массе из крестьянской бедноты и рабочих, тех же принципов и идей революционного социализма, разъяснение тактических лозунгов, программных требований революционной социал-демократии»

Таким образом, органической составной частью коммунистической программы относительно буржуазной армии должно стать:

- отсутствие какой-либо поддержки формированию и укреплению армии, ее аппарата;
- активное противодействие всем способам привлечения пролетариата в армию;
- наконец, требование полного роспуска ее и формирования вооруженных сил рабочего класса на базе всеобщего вооружения народа.

3. Переворот в военной науке, сделанный РКСМ(б)

Газета «Бумбараш 2017» - орган РКСМ(б) - всегда поражала читателей своим собранием псевдореволюционных благоглупостей. Но вот очередная передовица этой газеты в номере 6(80) «Идем в дозор», подписанная именем некоего В. Сычева, поразила потрясающей некомпетентностью даже видавших виды людей.

Прежде чем разобрать эту статью, необходимо отметить одну деталь, которая проявилась в ходе Интернет-обсуждения этой статьи сотрудниками журнала «Прорыв» с редакцией газеты и которая, на их взгляд, характеризует суть этой организации и её органа. В ответ на критику статьи членами редколлегии «Бумбараша» заявлено, что она опубликована в рамках дискуссии и, дескать, РКСМ(б) с ней не согласен. Однако, если это правда, тогда получается довольно странная ситуация: центральный орган организации печатает статьи, не выражющие позиции организации, да

еще на первой полосе. Здесь скорее другое – организация взгляды Сычева, вполне приемлемы, только либо стесняется их открыто высказывать, либо аргументировано на критику ответить не может. Возможно и того хлеще: организация собственных принципов попросту не имеет, а потому ее центральный орган готов печатать что угодно, лишь бы это «круто» выглядело. Нашим товарищам очень хотелось бы верить, что уже упомянутое заявление редакции было вызвано вполне понятною стыдливостью, ибо стыд предполагает все-таки осознание своих ошибок, а не воинственное и упрямое отстаивание их.

Первую, и большую по объему часть статьи, непосредственно к армии не относящуюся и представляющую «поток сознания» на тему «про все на свете и сразу», можно опустить и начать читать с пункта 2 – «Перспектива». Вот, например, как этот человек, называющий себя коммунистом и выступающий от имени коммунистов, видит движущие силы будущей революции и их военно-стратегический расклад:

«А еще у буржуев есть дубинка, которой они по барабану стучат взбунтовавшемуся быдлу. Эта дубинка зовется государством. Все ОМОНЫ, спецназы, СОБРы, все наемники — все это будет кинуто на «восстановление законной справедливости» в случае победы линии коммунистов на этом самом мирном и «равноправном» всенародном референдуме. Вспомните танковые пушки октября 1993, убитого чилийского президента-социалиста Альенде или хотя бы 9 января 1905 года, то бишь «Кровавое воскресенье»».

И далее: «Так что никуда нам с вами, товарищи большевики или будущие большевики, не

деться. Будем еще печатать плакаты типа «Все на разгром Юденича!». Это гражданская война. И не мы ее развязем, а они, adeptы умирающего капитализма. Но нам с вами надо быть к ней готовыми. Это значит, не просто проглотить пилюлю совести, читая эту статью. А научиться стрелять, быть морально и физически крепким и иметь опыт и навыки военного».

Очень содержательно, не правда ли? Есть армия, она всегда дубинка, ей воспользуются, будет война. Просто, прямолинейно и без затей, как унтер-офицерское мышление. Такое впечатление, что свою статью Сычев диктовал стенографисту на бегу, спасаясь от этих самых СОБРов и ОМО-

Нов, в результате чего вместо марксистского анализа условий и причин революции мы видим пустопорожние фразы.

Начнем с того, что государство в марксистском определении – это не дубинка. Государство – это аппарат, обеспечивающий классовое господство и защиту классовых интересов. Оно без дубинки, как своего военно-политического инструмента, существовать не может, ибо не бывает господства без насилия. Но ведь господство только к одному насилию не сводится. Классовое господство понятие гораздо более широкое, чем просто насилие над эксплуатируемыми. Оно включает, кроме карательных, еще и административные и экономические функции. Как показала практика революции, и пролетарс-

кое государство – это не столько размахивание маузером перед носом у буржуя, сколько организация социалистического производства. Сведением же классового господства к одному лишь насилию, как это делает Сычев, задолго до него занимались разные весьма далёкие от марксизма господа – Бакунин, Штирнер, Кропоткин, эсеры и прочие подобные персонажи. Если члену РКСМ(б)

Эсэровский плакат 1917 года, на котором мирно уживались красное знамя и призыв вести империалистическую войну до победного конца.

приятно быть с ними в одной компании – это проблемы РКСМ(б) и лично Сычева.

Потом, откуда у Сычева такая уверенность, что гражданскую войну развязет именно буржуазия? Понятно, что в его представлении враг всегда исключительно злобен. Но гражданские войны по злобе не начинаются. Они начинаются в первую очередь потому, что некоему классу эта война выгодна. Да, действительно, исторический опыт не только нашего государства, но и многих других показывает, что до сих пор в большинстве случаев гражданскую войну затевал свергаемый класс. А если всё-таки возникнет ситуация, когда российскому пролетариату, а не российской буржуазии будет выгодна гражданская война? Неужели понимающие эту ситуацию коммунисты позволят руководимому ими пролетариату упустить такой шанс победить? Разумеется, нет. Не случайно В.И. Ленин в 1905-06 гг. только приветствовал эскалацию гражданской войны, так как это был реальный шанс победить в тех условиях. И сейчас коммунисты не должны строить свою тактику в ожидании того, что войну развязет непременно их противник. В мировой военной практике потеря инициативы никогда не приводила к добру. Поэтому все подобные рассуждения есть сугубый дилетантизм, связанный с некомпетентностью и леностью мысли.

Кроме того, у Сычёва ни слова не сказано о том, что революцию вообще кто-то должен организовывать, что революция в лице партии получит свой боевой штаб, который в том числе будет заниматься и организацией революционного насилия. Для Сычёва революция – это нечто стихийное и происходящее само по себе, из одного массового протesta, совершенно независимо от кого бы то ни было, в том числе и лично от Сычева,. Проснулся Сычев с утра – а там уже революцию сделали... По-видимому, он представляет себе революцию так: пришел к буржу, сказал ему, что кончилось его время, и, будьте любезны, революция сделана. И совершенно даже не подозревает о том, что перед тем, как революционеру заявиться к этому самому буржу, надо чтобы за революционером стояли совершенно осозаемые, мощные силы, организованные и могущие навязать свою волю этому самому буржу в случае, если ему захочется противиться.

Конечно, такой силой могут быть и вооруженные люди. Но опыт всех революций показывает, что нет большей силы, чем **народные массы**. Но вот именно всю эту силу, заключенную в массах, наши горе-революционеры и не понима-

ют. У них революция подавляется очень легко: стоит лишь вступить в дело армии, как революции конец. Это воззрение имеет корни в не афишируемом революционном авантюризме, который в РКСМ(б), увы, имеет место быть. Представить, что хорошо обученная армия будет воевать сразу со всей страной, они не в силах, так как механически переносят сегодняшнюю малочисленность партии и слабое влияние в массах на ситуацию уже начиナющегося восстания. Неверие в собственные пропагандистские силы, в свою собственную способность убедить массы в результате кропотливой пропагандистской работы – это своеобразная самооценка этих революционеров, вполне соответствующая действительности. Они действительно, неспособны никого убедить, но вместо того, чтобы заняться серьезным изучением теории для повышения качества своей пропаганды, вместо того, чтобы развивать прессу и готовить из себя пропагандистов и агитаторов, идут по самому легкому для незнаек пути: «А что тут думать, прыгать надо!».

Поэтому они и ставят себе задачу не допустить столкновения прекрасно вооруженной, обученной и лояльной армии, пусть и немногочисленной, с революционными силами, как они считают, тоже немногочисленными, плохо вооруженными и плохо организованными. В таком столкновении добиться победы можно двумя путями – либо увеличить численность, вооружение и организацию революционеров и поставить армию в такие условия, в которых даже самая лучшая армия не смогла бы сражаться, либо не допустить безусловной лояльности армии. Второй вариант кажется таким революционерам более предпочтительным, ибо не предполагает никакой интеллектуальной работы с их стороны. Но он в то же время же и гораздо более авантюрный, так как ставит успех восстания в зависимость от позиции армии.

При этом они не перестают тешить себя надеждами, что призывающая армия не будет стрелять в народ сама по себе, без соответствующей работы в ней только потому, что выходцы из пролетариата не будут стрелять в отцов и братьев. А это есть вдвойне авантюризм:

«Но армия по призыву, она есть еще и часть народа. Ведь там служат представители простого народа, бывшие и будущие рабочие, студенты, учителя, люди совершенно разных профессий и устремлений. Заставить такую армию выступить не против такой же заграничной вооружен-

ной, обменной, обмундированной силы, а против части своего народа, пусть он даже будет чем-то вооружен, кем-то организован, и будет иметь какие-то отличительные знаки, очень трудно. История знает массу примеров, когда армии не выполняли приказов, поднимали бунты, переходили на сторону своего сражающегося народа. Хорошо организованная армия, имеющая в своей основе принцип всеобщей воинской обязанности, вполне годится для войны с внешним врагом правящей буржуазии и очень опасна и непредсказуема в разрешении внутренних конфликтов»

Что тут скажешь? Во-первых, Сычев совершенно забывает, что в 18 лет в армию идут не «люди самых разных профессий и устремлений» (имел ли он сам в 18 лет какую-либо профессию?), а, наоборот, люди, не имеющие профессию и с неопределенными устремлениями, включенные в производственный процесс минимально, что и дает, собственно гарантию лояльности армии не только во внешних конфликтах. Во-вторых, история, кроме этого, знает гораздо больше примеров того, как такая армия подавляла революционные выступления.

Например, призывная армия успешно воевала против Коммуны: версальцы формировали свою армию на основе одной только присяги из бывших крестьян, а вовсе не на наемной основе, как ошибочно думают многие неграмотные комсомольцы. Деньги Национального банка, которые настойчиво рекомендовал захватить Маркс, анализируя ошибки Коммуны, Версаль использовал вовсе не на НАЕМ солдат, а на более насущные цели – закупку фуража, обмундирования, оружия, содержание офицерства. Уж чего-чего, а солдат, готовых воевать «за матушку Францию и господа бога» против «бездожных голодранцев» у Мак-Магона было достаточно. И она успешно расстреливала восставших, и весьма бодро атаковала парижские форты, которые так и не взяли в свое время пруссаки. Почему эта армия не отказалась стрелять в своих же пролетарских братьев? Очень просто – солдатская масса **не осознавала** своих классовых интересов, а в массе своей была обманута и частично запугана.

Надо сказать, что обманутая такими понятиями как «долг», «солдатская честь», «добрость» и прочей риторикой, эта армия показывала коммунарам не только свои спины, но и образцы мужества и героизма: несмотря на героическое сопротивление коммунаров, неприступные парижские форты все-таки были взяты армейскими час-

тями. Другое дело, что **такой** геройизм мы геройзмом не считаем. Но он показывает высокий моральный дух такой армии, вопреки прогнозам наших доморощенных Робеспьеров.

Призывная армия же успешно подавила и первую русскую революцию. Солдаты Семеновского полка, комплектуемого, как и остальные полки царской армии, путем набора из всех слоев населения, подлежащих призыву, не дали ни одного примера перехода на сторону восставших в декабре 1905 года. И полк этот был не один. Карательные экспедиции в деревни в 1906-1907 гг., которые проводились небольшими воинскими частями показывают, что даже оставаясь без офицерского состава под командованиемunter-офицеров, армия, верная присяге, все равно порола, стреляла и вешала крестьян в массовом порядке.

Точно так же в 1917 г., одурманенная национализмом французская армия, сама безмерно уставшая от войны, расстреляла своих русских товарищей по оружию в лагере Ла-Куртина за антивоенные выступления.

Призывной контингент многократно употреблялся для борьбы с революционными выступлениями в Латинской Америке, и призыв никак не мешал этому, даже, наоборот, помогал. Оболванные муштрой, риторикой и страхом перед офицерами безграмотные латиноамериканские крестьяне успешно двигали к власти то одного, то другого диктатора, прозванных за свою реакционность, жестокость и тупость «латиноамериканскими гориллами».

Наивным надеждам РКСМ(б) на стихийную нелояльность призывной армии практика показывает как раз совсем обратное: призывную армию очень легко заставить воевать против народа. Армия по призыву не является панацеей от контрреволюции.

Точно так же призывная армия не является лучшей формой военной организации революции. Если мы вспомним историю Гражданской войны, то на 5 млн. красноармейцев, призванных к 1920 году Красная армия имела и 1 млн. одних дезертиров, которых называли «зелеными» и деятельность которых В.И. Ленин сравнивал с открытием еще одного фронта в тылу. Огромное количество контрреволюционных восстаний в самой Красной армии были вызваны не столько комплектацией командного состава из бывших офицеров (на что упирали в основном троцкисты), сколько ненадежным рядовым составом, набраным по мобилизации. Большевики, в том числе и поэтому, постоянную армию, по сути дела считали уступкой обстоятельствам и стремились при

первой же необходимости от постоянной армии по призыву уйти к исключительно коммунистическому пониманию революционной армии – к вооруженному народу, а еще вернее – к вооруженному классу.

Здесь мы натыкаемся на одну очень большую и общую для всех российских коммунистических организаций беду – отсутствие у коммунистов позитивной программы, программы строительства коммунизма. Ни Сычев, ни проявляющая элементы беспринципности редакция «Бумбараша» совершенно, по-видимому, не знают: что же будет с армией после революции в отдельно взятой стране, что с ней будет в период мирного строительства социализма в отдельно взятой стране, какие функции этой армии в мировой революции и что с ней должно произойти после мировой революции. По их мнению, она так и будет существовать в одних и тех же формах чуть ли ни вечно. Не доводя свою мысль до исчезновения армии как института, они очень однобоко смотрят на армию как на вечную и неизменную данность, из чего их мысль бесплодно бродит в трех соснах «использования» буржуазной армии в революции и лучших или худших условий для такого «использования».

Посмотрим далее. Сычев переходит к еще одному в корне неверному представлению о вооруженном восстании. Как и для многих левых, для него характерна патологическая боязнь наемной армии:

«Но армия наемная, т.н. «профессиональная» лишена такого, с точки зрения буржуазии, недостатка. Она воюет за деньги. Кто платит, тот музыку и заказывает. Прекрасно вымуштрованная наемная армия будет топить в крови восстания без какого-либо зазрения совести. Это ее работа».

То есть стоит включиться в дело наемной армии, как песенка революции спета - наемная армия потопит ее в крови. Остается правда, совершенно непонятным, что по мнению идеолога РКСМ(б), в то время, как его будут в крови топить, будет делать народ. Видимо, имеется в виду, что вместе с Сычевым испугавшись наемников, покорно пойдет под расстрел и прольет реки только своей крови, а наемная армия не будет ни преодолевать вооруженное сопротивление, ни нести потерь, а единственной трудностью, которая на ее пути встретится, будет трудность закапывать трупы расстрелянных.

Великая Октябрьская социалистическая революция и последующая Гражданская война, за единичными случаями, не сталкивала революцион-

ные вооруженные силы с наемными войсками потому, что на территории России их просто не было. Дело в том, что для ведения затяжной и глобальной Первой мировой войны такая армия была слишком накладна для любого бюджета. Однако посмотреть на столкновение наемной армии с революционными массами можно на примере ранних буржуазных революций и народных восстаний в то время, когда наемная армия была практически единственной формой регулярной армии.

Например, наемные войска не только не обеспечили победу Карлу II над английской буржуазией, но, наоборот, предрешили его поражение. В гражданской войне он более-менее удачно воевал, используя дворянское ополчение, но по мере того, как боевой пыл дворянства угасал, он переходил к наемным войскам и в конце концов додигался: перед решающей битвой его те самые наемники продали Кромвелю с потрохами. Тот просто заплатил им больше. На те же грабли наступило и испанское дворянство во время Нидерландской буржуазной революции, которая с обеих сторон велась в основной массе наемными войсками: нидерландская буржуазия была более платежеспособна, чем испанский король. Потому наемники герцога Альбы были куда худшего качества и время от времени... бунтовали.

Русская история также располагает достаточными фактами о столкновениях наемных войск с вооруженным народом. Классическим примером является массовая присяга Лжедмитрию I стрелецких (т.е наемных) гарнизонов окраинных городов в нестабильной политической обстановке 1604 г. Стрелецкие гарнизоны, видя перед собой превосходящие силы противника и массовую поддержку самозванца, которая была вызвана царистскими настроениями зависимого крестьянства, ожидавшего от нового царя свободы от феодальной зависимости, присягали «царевичу Дмитрию» и пополняли его ряды. Видя неустойчивое положение, и, прежде всего, экономическое, выразившееся в неспособности собрать налоги центральным правительством Годунова, стрельцы массово переходили на сторону мятежа. А между тем стрелецкое войско было наиболее боеспособное на тот момент в феодальной России. Оно было связано с правительством не только наймом, но и некоторыми сословными привилегиями. В ситуации с Лжедмитрием II этот фактор неустойчивости проявился еще яснее: даже в более благоприятной в целом для правительства обстановке лояльные правительству гарнизоны присягали самозванцу на верность, будучи вы-

нуждены к этому соотношением военных и политических сил в городах, под давлением восставшего народа и подходящих военных сил. В XVII веке в русском наемном войске, как и в любой армии мира, было мало охотников связываться с всеобщим народным восстанием, особенно в обстановке, когда кредитоспособность правительства сомнительна, а само правительство слабо и нерешительно.

Классическое же наемное войско в борьбе с восставшим народом в начале XVII в. вообще себя зарекомендовало крайне нелестно: в 1609 году правительство Шуйского заключило договор со Швецией о предоставлении наемного войска для борьбы с Лжедмитрием II. В Псков прибыла армия около 15 тыс. человек под командованием Делагарди. Первое же сражение польско-казацкой и частично крестьянской армии Лжедмитрия с наемниками Делагарди и дворянскими отрядами Шуйского под Тушино, повлекшие в наемном войске крупные потери, показало крайне низкую его моральную стойкость. Под предлогом невыплаты жалования несколько тысяч наемников организованно дезертировали: то есть ушли обратно вместе с командиром в Псков. Оставшиеся составляли ничтожную часть – около 1 тыс. человек.

Следует заметить, что в исторической литературе позднего СССР весьма часто в характеристике периода 1604-1613 гг. делают упор на польско-шведскую интервенцию, выдавая ее за содержание этого периода вооруженной борьбы, а классовую борьбу представляют как общий фон борьбы с интервенцией. В частности, во многих позднесоветских учебниках самозванцы характеризуются прежде всего как марионетки польских феодалов, а основной военной силой представляются польские части. Нетрудно догадаться, что эта трактовка почерпнута из феодальной и буржуазной историографии и является своеобразным реверансом национализму, попытка представить события как деятельность внешних сил. Такое представление идет, в частности и от источников, которые были, несомненно, пропитаны пропагандой правящего класса, управлявшим в пропаганде на религиозные и националистические мотивы.

На самом деле само существование самозванцев явилось лишь формой, в которой заключалось восстание народных масс против феодализма в целом. Поэтому трактовка вооруженных сил самозванцев как интервенционных попросту неверна. Польское шляхетское ополчение, безусловно, составляло серьезную силу, но оно было ма-

лочисленным, а основной силой являлись восставшие – посадское ополчение восставших городов, казаки, присоединившиеся беглые крестьяне и часть недовольного дворянства.

Факты неустойчивости наемных войск в борьбе с самозванцами характеризуют не столько поведение наемников в борьбе с внешним врагом, сколько поведение наемников в борьбе с вооруженным народом при поддержке интервенции. Значительные потери войска Делагарди под Тушино (пришло 15 тыс., а ушло лишь несколько тысяч в Псков, 1 тыс. осталась – получается, потери были достаточно велики) обуславливались тем, что наемники столкнулись не только с равными себе по военно-техническому уровню польскими дворянами, но и с превосходящими массами народного ополчения, поддерживающего Лжедмитрия II. Малочисленные поляки не могли нанести столь больших потерь (потери от огневого боя были в XVI-XVII вв. сравнительно невелики). Очевидно, наемники вступили в рукопашную схватку с многочисленным, но плохо вооруженным ополчением. вне зависимости от результата сражения, закончившегося поражением Лжедмитрия, большие потери и невыплата жалования подорвали моральный дух наемников, что свидетельствует о низком моральном духе наемников как общего качества всех наемных войск.

Следует заметить, что наемные войска в период войн Смутного времени настолько наглядно продемонстрировали правящему классу России свои недостатки, в том числе и в борьбе с массовым народным ополчением, на которое была богата обильная русская земля, что с того времени русские бояре и дворяне навсегда отбросили саму мысль о возможности формирования постоянной армии на наемной основе. В русской истории наемная армия более не фигурирует, заменяясь на рекрутские наборы (даточные люди), поместное дворянское ополчение и иррегулярные казачьи формирования. Рекрутские наборы есть прототип призывной армии: рекруты набирались из того же угнетенного класса, что и призывная армия. Но почему-то на протяжении длительного периода исторического времени у феодалов и буржуазии в дальнейшем не возникало мысли опасаться ее нелояльности. Даже наоборот – практика пугачевщины показывает, что войска, набранные по рекрутской системе, имели в массе своей более высокий моральный дух, чем у восставших, порой разбегавшихся от первого же залпа.

Этот опыт только доказывает, что успех или

неуспех народного восстания надо искать не в формах комплектации постоянной армии, а, прежде всего, в организации самого восстания, в его политической подготовке, в привлечении на сторону восстания наибольшего количества народных масс. Советский историк Е.А. Разин, резюмируя опыт крестьянских восстаний и освободительной борьбы против польско-шведской интервенции, писал о взаимосвязи между моральным духом армии и народной поддержкой:

«Народная война особенно наглядно показывает зависимость моральной стойкости войск (гарнизона крепости, полевой рати) от отношения к вооруженной борьбе населения города или данной территории. Где войска ощущали моральную и материальную поддержку населения и тем более где они вместе с ним сражались, там проявлялась стойкость и высочайший геройизм».

Эту закономерность историк выводит безразлично к способу комплектации армии, как закономерность общую. Ведь в войнах Смутного времени присутствовали все формы армии – комплектуемые и по поместной разверстке, и по найму, и по рекрутской системе, и на добровольной основе.

Уроки многочисленных восстаний и крестьянских войн говорят о том, что наемные войска не являются способом обеспечения безусловной лояльности вооруженных сил правительству, точно так же, как и наемный характер войска не обеспечивает нужной боеспособности. Наемники изменяют своему работодателю примерно с той же регулярностью, с какой пролетарий меняет работу в случае наличия более выгодных вакансий. Точно так же, как рабочий уходит от капиталиста в случае изменения экономического положения предприятия (например, в случае разорения), наемник покидает своего хозяина, когда тому становится нечем платить или же хозяина ожидает неминуемое поражение. А уж если при этом кто-нибудь платит больше – то никакой наемник не устоит перед этим. Низкая боеспособность наемных войск проявляется не только в столкновениях с внешним противником, как это пытаются показать любители призывной армии, но вообще с любым превосходящим противником. Наемные войска воюют хорошо только в одном случае – когда противник не может наносить существенных потерь, а деньги выплачиваются регулярно. Неустойчивая экономическая и политическая обстановка, неустойчивое политическое положение работодателя дезорганизует и деморализует наемников. Да пусть буржуазия нанимает хоть всю

армию целиком. Парализуя экономику всеобщей политической стачкой, мы тем самым лишим ее кредитоспособности. А активное действие против этой армии отрядов Красной гвардии – то есть риск для жизни – еще больше отобьет охоту у наемников защищать правительство, которое вряд ли сможет оплатить такие дорогостоящие услуги.

Чем же еще аргументирует наш «теоретик» свою боязнь наемной армии? Как ни поразительно слышать это от человека, называющего себя коммунистом, … «защитой отечества!» *«При наемной организации армии невозможно провести всеобщую мобилизацию в случае большой войны. (Такие войны ведь никто не отменял, правда?) Кого мобилизовывать? Необученных граждан? Это будет концом комедии».*

Разумеется, это будет концом комедии. Но концом комедии, которая называется «революционный комсомол», потому что защита капиталистического отечества – это наиболее позорный оппортунизм из известных. Какое дело пролетарию, как российская буржуазия будет делить не принадлежащую этому пролетарию трубу с другим сопредельным государством? С какой такой радости пролетарий должен складывать свою голову за интересы буржуза, тем более в большой войне, только потому, что их «никто не отменял»? В условиях военного конфликта между буржуазией интерес пролетария состоит прежде всего в том, чтобы как можно меньше от этого пострадать, чтобы буржуазия как можно быстрее решила свои проблемы и его при этом не трогала. Такая позиция – это естественная позиция лозунга поражения собственного правительства.

Пролетарию нет совершенно никакого дела до национальности и государственной принадлежности буржуя, который будет его эксплуатировать, поскольку степень эксплуатации зависит не столько от злой или доброй воли самого буржуя, сколько от объективных законов на рынке труда. Рабочие не проигрывают от смены хозяев, и потому они должны требовать от своего правительства капитуляции как наиболее быстрого и безболезненного для себя способа разрешения конфликта. И уж, разумеется, не способствовать эскалации бойни упорной обороной «отечества», которого у них нет. Потому и вопросы – кого будет призывать буржуа для защиты отечества, и каково будет качество армии, будет ли эта армия боеспособной или нет, не должны никого волновать, кроме самих капиталистов. Главное, чтобы у холопов не трещали чубы в барской драке.

РКСМ(б) же, не в силах найти действительно коммунистическую позицию в вопросе об армии в целом, не представляя себе роль постоянной армии в истории. Полагают, что постоянная армия должна существовать всегда, пока не наступит полный коммунизм. Они ее воспринимают и как данность, и как нечто вечное и неизменное. Они надеются, что может быть она когда-то внезапно помрет (как именно она будет помирать, над этим вопросом они не задумываются), но никто из нас до этого не доживёт. Поэтому ставить вопрос об уничтожении постоянной армии они не могут и пытаются в чисто буржуазной дискуссии о преимуществах наемной и призывной армии найти «свое» место. Но из-за недостаточного уровня своей компетентности они в конечном итоге встают на позицию одной из групп буржуазии, то есть той, которая считает, что наиболее эффективным способом сохранения классового господства и решения буржуазных задач является именно призывная армия. Их, разумеется, не смущает, что буржуазия не питает никаких сомнений относительно лояльности такой армии, равно как и не смущают многолетние крики КПРФников и разного рода «комсомольцев» о том, что под действием их пропаганды такая армия непременно восстанет и покажет буржуям кузькину мать.

Идеологически тащась в хвосте у буржуазии, РКСМ(б) соответственно размышляет и о частных вопросах в том же буржуазном духе. Например, о том, как лучше защитить капиталистическое отечество.

Кроме того, одним из симптомов национализма РКСМ(б), как мотиватора взглядов комсомола на армию, служит возвзание РКСМ(б) от 23 февраля 2006 года, где РКСМ(б) призвал к единению с националистами, с которыми его якобы объединяет память о Советской армии:

«23 февраля самые разные люди соберутся и пройдут по улицам Москвы под транспарантом «Слава Советской Армии!» У них могут быть разные политические убеждения, но их объединяет одно - память о героизме Советской Армии».

При этом «комсомольцы» совершенно забыли, что у людей разных политических убеждений совершенно разная память о Советской армии. Для коммунистов эта армия в первую очередь – Красная армия, то есть армия мирового революционного пролетариата. Для националистов же, якобы также готовых подписать под этим лозунгом, Советская армия – не более чем армия империалистическая, которая завоевывала и отвоевывала куски территории для некоей «Совет-

ской Империи», которая боролась с империалистами США всего-навсего за право эксплуатировать чужие территории в Африке, Азии, Америке, которая для них является образцом русского милитаризма. Поэтому объединение коммунистов с националистами под лозунгом «Слава Советской армии!» вместо выступления под классово четким лозунгом «Слава Красной армии!», отделяющим коммунистов от «советских империалистов» или националистов, бредящих про реинкарнацию Российской империи в виде СССР, попросту политически вредно.

Акцентирование в этом же документе на подвигах «Советской армии» в Гражданской войне фразой «мы не должны забывать доблестных подвигов Советской Армии! Армии, которая победила в гражданскую войну 14 государств-интервентов» содержит в себе не только историческую неграмотность, но и националистические реверансы. Авторов возвзания совершенно не смущает, что РККА победила в первую очередь вооружённые силы внутренней контрреволюции в лице белогвардейских армий, о которых в возвзвании и не упоминается. Им более важно, что были, как они считают, разгромлены армии 14 государств-интервентов (кстати, по сравнению с белыми армиями весьма малочисленных и не разворачивавших масштабных боевых действий). Вместо противопоставления националистам концепции о Гражданской войне как о войне классов РКСМ(б) потащился в хвосте у националистической концепции, соглашаясь в том, что Гражданская была **войной русских против интервентов**. Из этих реверансов складывается совершенно определенное впечатление, что авторы возвзания попросту не понимают существенных отличий Красной армии от армий всех остальных буржуазных государств и вполне готовы на этой почве сомкнуться с националистами. Ну, а из стремления РКСМ(б) породниться с националистами всяческому разумному человеку должно быть также понятно, что «защита отечества» – не есть бзик одного Сычева, а есть позиция руководства комсомола. Жаль, что, похоже, и в руководстве РКРП-РПК разумных людей не нашлось поправить не в меру расшалившихся на идеологической арене комсомольских «вожачков».

Всё дело в том, что такие «шалости» вовсе не безобидны. Логически исходя из изложенного, можно совершенно ясно увидеть перспективы осуществления подобной политики РКСМ(б) в армии:

- базируясь на этой программе РКСМ(б) будет помогать военкоматам выполнять программу по поставкам «пушечного мяса» в армию, обманывая молодежь перспективами «революцион-

ной работы»;

- агитация за службу в армии будет воспитывать молодежь в националистическом духе;

- реальной агитационной работы в армии при таком интеллектуальном уровне призывников ожидать не приходится, а будет только пустая отчетность, что «мы-де заслали в армию столько-то агитаторов». Наивно рассчитывать, что из каждого пришедшего в армию 18-летнего парня скоро может получиться столь хороший агитатор, который сумел сагитировать хотя бы отделение;

- для свершения революции РКСМ(б) будет ждать, пока армия не взбунтуется, так что о революции можно забыть надолго.

- в случае войны между буржуазией РФ и какой иной страны РКСМ(б) станет в позицию «защиты отечества» и пошлет на бойню свежие полки «пушечного мяса». И все это под крики о революции.

4. История, как известно, повторяется...

По идеи, нас должен был бы обнадеживать тот факт, что в РКСМ(б) пока что нет единства по вопросу о службе в армии, но, увы, даже в этом обнадеживающем мало. Для обеих дискутирующих в комсомоле сторон общим, пожалуй, является явное преувеличение роли армии в революции, причем как в одну, так и в другую сторону. Совершенно серьёзно ими считается, что армия в условиях революционной ситуации сохранит себя как организованная сила и либо будет подавлять революцию (если останется лояльной буржуазии), либо будет, наоборот, основной вооруженной силой революции (если перейдет на сторону восстания). Из чего совершенно логично у них вытекает, что

а) основной работой по организации вооруженного восстания является работа в армии;

б) всеобщее вооружение народа либо бесмысленно (в первом случае), либо бесполезно (во втором);

в) революционеру необходимо служить в армии при первой же возможности.

Такая постановка вопроса далеко не нова. История повторяется – но, как это часто бывает, в виде фарса. В 1917 году в Советах ра-

бочих и солдатских депутатов (где были не только большевики, но и меньшевики, и эсеры) вопрос ставился точно так же, когда развитие революции поставило перед ними практическую задачу создания Красной Гвардии. Характерным примером может служить хорошо изученная историками проблема революционного восстания в Москве, где основную роль в октябрьских боях сыграли отряды Красной Гвардии.

В Москве, где позиции большевиков в Советах были гораздо слабее, чем в Петрограде, разногласия между меньшевиками с эсерами и большевиками были проявлены четче всего, и потому представляют для нас особый интерес. Решение о создании в Москве Красной Гвардии по образцу питерской, созданной ранее, принималось на II областном съезде Советов, проходившем 2 октября 1917 г., Тогда по этому вопросу схлестнулись две противоположные точки зрения: на вопрос о развитии вооруженного восстания и на роль армии в нем, и на формы организации революционных вооруженных сил.

Давайте посмотрим на то, как же обосновывали свои позиции меньшевики и большевики, и как они рассматривали роль армии и Красной гвардии в революции. Позицию большевиков на съезде высказал Ем..Ярославский в докладе об организации Красной Гвардии. Он исходил из тезиса, что ни одна постоянная армия, как бы она ни была революционна, не будет надежной гарантией защиты народных прав. Так, он, признавая революционность армии на тот момент, все равно указывал на факты, которые свидетельствовали об опасности этой армии для революции:

«Можно, пожалуй, сказать, что в нашей армии нет контрреволюционных полков. Но вспомним только, что Корнилов мог повести против большевиков, а потом и против революции вообще целые полки. Пусть это был обман, но это значит, что войска легко было обмануть теперь, во время революции, почти так же легко, как обманывали их при царе Николае... Если теперь даже возможно послать карательные отряды против крестьян для подавления стихийно возникающих аграрных волнений, где в большинстве случаев правда на стороне крестьян, если можно одни части заставить выступить против

других, окружить их пулеметами, расстреливать их из ружей, пулеметов за неповиновение черносотенным контрреволюц. генералам; если еще и теперь, под угрозой репрессий со стороны контрреволюции, возможна выдача «зачинщиков» революционного движения, выборных руководящих полномочных органов в войсковых частях, если возможны аресты целых армейских комитетов, если возможен вывод революционных полков из столиц и других городов и замены более «надежными» с точки зрения контрреволюции, если возможно расформирование и даже расстрел революционных частей нашей в общем революционной армии, если возможно держать в Донецком бассейне и в Кривом Роге казаков для охраны рудников от рабочих,— то надо признать, что далее наша революционная армия сама по себе одна слишком недостаточна для того, чтобы обеспечить устойчивость революции при дальнейшем ее развитии и обострении классовой борьбы».

Таким образом, он подчеркивал желательность, но недостаточность одной лишь революционизации армии, показывал, что постоянная армия даже революционная в целом, может вполне использоваться для борьбы с революцией, и потому необходимо создание Красной гвардии для того, чтобы в случае использования этой армии, возможно было дать организованный вооруженный отпор.

В общем и целом, Ярославский никаких Америк в этом вопросе не открыл. Он просто повторил достаточно известную позицию большевиков, сформулированную классиками марксизма, и повторение ее в принципе, не дает нам много для современных споров с комсомольцами, если рассматривать ее в отрыве от позиции тогдашних меньшевиков.

Случилось так, что позиция и аргументация меньшевиков по ряду частных вопросов современному читателю известна гораздо менее. Отчасти это произошло из-за вульгаризированного изложения истории партии в позднесоветские годы, когда вместо изложения позиции меньшевиков просто указывалось на их контрреволюционность без указаний, какие конкретно действия они предпринимали и чем мотивировали. Так что на этом вопросе

мы постараемся остановиться подробнее.

На том же II областном съезде Советов в пике Ярославскому выступал с докладом меньшевик Рыбальский. Самым его первым «финтом ушами» было утверждение о некоем «единстве» революционной демократии в защите революции:

«я хотел бы, чтобы мы условились о двух вещах: будем говорить хорошей честной прозой и исходить не из того, что одна часть демократии является храброй и революционной частью, а другая не годится для задач борьбы и защиты завоеваний революции.

Нет, мы не согласны в этом вопросе с тов. большевиками, хотя не хуже их умеем защищать революцию и, когда это нужно, не только парламентарным способом».

И далее Рыбальский, на удивление четко и ясно сформулировал основной пункт разногласий с большевиками:

«Мы не разделяем глубокого и, конечно, всемерно честного убеждения товарищей большевиков в том, что наш российский пролетариат стоит на пороге социальной революции, что недалек тот час, когда через коммуну мы придем к социализму. Вот откуда наше разногласие. Ясно, что особое основание для этого требования вооружения пролетариата имеется у тех, для кого начинается социальная революция».

Разумеется, что утверждения о внутреннем единстве всех революционно-демократических сил (в т.ч. и буржуазно-демократических) Рыбальским приводились не зря, так как из этого последовал тезис об условиях образования Красной Гвардии:

«Если вся демократия революционна, если со стороны одной ее части невозможно выступление против нас, если весь народ стоит под знаменем революции, то всякая необходимость организовывать революционные отряды отпадает. Только, если уйдет от нас часть демократии, если часть армии выступит против нашей национальной революции, тогда буржуазия сможет дать бой демократии на улице».

А вот теперь очень интересно посмотреть на тезис о единстве всех оппозиционных сил, который выдвигал РКСМ(б) на митинге 23 февраля 2006 г., которым аргументировался по-

литически неверный лозунг, провозглашавший славу не политически определенной Красной армии, а неопределенной Советской, которая в критический момент ничего не сделала для защиты социализма. Меньшевики, заботясь о союзе с буржуазной демократией, не желали беспокоить ее организацией пролетарских отрядов. РКСМ(б), блокируясь с националистами, также полагает, что, дабы не нарушить это единство, можно и забыть про Красную армию, неоднократно побивавшую всех «истинно русских патриотов».

Далее меньшевик перешел к тому же тезису, который практически дословно можно услышать от «шибко революционных» комсомольцев, столь занятых вопросом «агитации в армии»:

«Когда ставится в первую очередь вопрос о вооружении пролетариата, о физическом вооружении народа, вместо задачи объединения демократии, то мы думаем, что те самые, которые в тылу обучаются рабочих военному искусству, должны были пойти вместо этого поднять сознательность хотя бы частей армии, стоящих в рудниках, как угрозы для рабочих (о таких полках нам говорил предыдущий оратор). Революционная армия должна быть вооружена ясным и крепким сознанием тесного единства со всей революционной демократией».

То есть, точно так же, как и РКСМ(б)шные «военспецы», говорит, что «кесарю-кесарево, а слесарю – слесарево». То есть, не трогай, рабочий, винтовку, ты все равно с ней обращаться не умеешь. А за тебя армия все сделает.

Дальше Рыбальский аргументирует свое категорическое неприятие Красной Гвардии все тем же, чем сегодняшние комсомольцы аргументируют свой отказ от идеи всеобщего

вооружения народа: то есть тем, что вооруженный народ в военном отношении уступает армии всегда, и единственное спасение революции – в агитации самой армии. «Если же прав ваш пессимизм, то, когда придет этот час и часть армии пойдет против нас, мы вместе с вами, товарищи большевики, пойдем на улицу защищать революцию, мы будем храбрыми революционерами, но плохими стратегами, и хотя бы мы были увешаны пулеметами и ружьями, нас все равно разобьют. Не рабочие с оружием в руках победили Корнилова, но организованная

работа демократии, работа железнодорожников, почты, телеграфа и братское слово демократии заблудшим товарищам солдатам» - истерически прорицает он, аргументируя это тем же, чем и многие левые аргументируют свою боязнь вооруженного народа – якобы невозможностью организовать боеспособные отряды из «непрофессионалов»: «Мало создать оружие, нужны люди, а мало осталось годных здоровых людей. Красы пролетариата нет. Скажите, товарищи солдаты, сколько времени нужно, чтобы обучить такую армию из белобильтников, слабых, подростков (с места: «две недели, два месяца»), нет,

больше месяца, потому, что жестокая проза показала, что от одних хороших возвзваний иногда получаются не совсем хорошие результаты».

И, резюмируя, Рыбальский формулирует меньшевистскую позицию почти дословно с тем, чем комсомольцы агитируют нас «идти в дозор»: «Если это так, то организация Красной Гвардии не может быть нашей очередной задачей. Поистине революционная задача – сделать так, чтобы вся организованная революционная армия была с нами... Пока у нас есть красная пехота, кавалерия и флот, нам не нужна Красная Гвардия..» - добавляет он в прениях.

Причем на том собрании Рыбальский был

еще не самым правым членом Совета, так как еще принимал хотя бы саму идею вооруженной защиты революции (пусть и гипотетически, и революцию он имел в виду буржуазно-демократическую). Там были субъекты и похлеще. Например, эсер Верещак высказывался в духе самого закоснелого парламентского кретинизма:

«Для подавления нового восстания Корнилова необходимо не создание Красной Гвардии, необходимо не вооружение рабочих и крестьян, а необходимо вооружить их разумом. Здесь говорили о том, что некоторые гарнизоны выразили желание обучать рабочих и крестьян владеть оружием. Но почему они вместо этого не работают по подготовке населения к Учредительному собранию?»

Ну, и, разумеется, у господ меньшевиков не обошлось без защиты отечества, как не обходится, к сожалению, без него у «товарищей» комсомольцев. Большинством в 151 голос против 123 при 4-х воздержавшихся была принята меньшевистская резолюция (эсеры присоединились к меньшевистской позиции), в которой отвергалась идея создания Красной Гвардии и, в частности, говорилось: *«2) Вооружение это, в условиях войны, может производиться только за счет армии, и так слабо вооруженной и технически недостаточно укомплектованной»*

И как Сычевы не забывают, что *«больших войн... никто пока еще не отменял»*, а потому советуют пролетариату продолжать умирать за интересы капитала, так и меньшевики с присоединившимися эсерами не забывали, что у буржуазной России есть фронт, на котором пролетариату надо эффективнее умирать за интересы гучковых и родзянко, а потому разоружать армию ради создания Красной Гвардии – преступление...

Разногласия между большевиками и меньшевиками в конечном итоге упирались в разно-

гласия относительно характера революции, и, определяя возможность или невозможность перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую, стороны определяли разным образом и инструменты решения задач разного характера. Определяя социалистическую революцию как невозможную, меньшевики были неправы, но из этого логично же и вытекало, что армии для обеспечения задач буржуазно-демократической революции будет вполне достаточно, а создание Красной Гвардии только спровоцирует ненужное столкновение в неблагоприятных для социалистической революции условиях. Идея о ведущей роли армии в революционном процессе не бралась с потолка, она логически вытекала из более общих посылок.

Точно так же и у РКСМ(б) эта идея не берется с потолка, но вытекает из более общих идей. Не решив общих вопросов о характере и основных движущих силах будущей революции, имея очень смутные представления о формировании революционного государства (и соответственно, его вооруженных сил), идеализируя буржуазную армию вслед за «патриотами» нынешние комсомольцы, хочется верить, искренне запутались в частном вопросе об отношении коммунистов к буржуазной армии, о ее роли в будущей революции, а потому вся их комедийная возня с *«работой в армии»* выглядит как простое повторение старой оппортунистической истории. Утешает только один несомненный факт – современный российский пролетариат свои интересы все-таки *«нутром чует»*, а потому массово *«косит»* от службы в буржуазной армии, и к публичным призывам этого не делать от столь малочисленной и неавторитетной организации не прислушивается. Оно и к лучшему.

Январь 2007

история

ЭСТОНСКИЕ МИФЫ О «СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИИ»

А. ДЮКОВ *

Часть 1.

Эстонские политики своим хамским приравниванием советской символики к нацистской меня очень сильно разозлили. Так, что я отложил в сторону и своих партизан, и другие дела и принялся за эстонскую историю «советской оккупации».

Поле деятельности оказалось богатым; от безнаказанности эстонские историки потеряли всякий стыд и начали заниматься столь откровенными фальсификациями, что просто диву даешься.

Вот ими мы и займемся.

Как известно, период с июня 1940-го по лето 1941-го в современной Эстонии называют «первой советской оккупацией». Официальная версия, настойчиво пропагандируемая эстонскими историками и политиками на международной арене, гласит, что после присоединения Эстонии к Советскому Союзу в республике немедленно был развернут беспричинный и массовый террор против населения. Описывая события «первой советской оккупации», эстонские историки выделяют следующие темы:

- репрессии с момента включения Эстонии в СССР и до июньской депортации 1941 года;
- июньскую депортацию 1941 года;
- репрессии первых месяцев войны вплоть до оккупации страны немецкими войсками.

Рассмотрим эти сюжеты в том же порядке.

Репрессии до июньской депортации 1941 года. Рассказ об ужасах советской оккупации эстонские историки все как один начинают с описания массовых арестов и расстрелов, проведение которых началось-де немедленно и которые, якобы, приобрели массовый характер.

«Советский Союз начал подготовку к развязыванию террора еще до оккупации Эстонии советскими войсками, - пишет премьер-историк Март Лаар. - Как и в других местах, целью коммунистического террора было подавление на корню зачатков всякого сопротивления и рассеивание в народе массового страха, что сделало бы не-

возможным широкое движение сопротивления и в будущем. К повальному террору в Эстонии прибавилось так же планомерное истребление национальной элиты, т.е. видных людей и активистов, и обесценивание эстонского народа как нации... Тюрьмы наполнились заключенными. Местами заключения с особо мрачной славой были подвал Каве в Таллинне на Пярнусском шоссе и центральная контора госбезопасности на улице Пагари. Здесь умерло от пыток значительное количество арестованных...»

В официальной «Белой книге» эти события, как уже упоминалось, характеризуются как «геноцид эстонского народа».

Однако количественные характеристики «геноцида» эстонские историки называют неохотно. Это неудивительно, поскольку цифры эти, мягко говоря, не впечатляют. Март Лаар утверждает, что «в течение первого оккупационного года в Эстонии было арестовано около 8000 человек, из которых не менее 1950 человек было приговорено к смерти еще в Эстонии». В коллективной работе «Обзор периода оккупации», размещенной на сайте эстонского Музея оккупации, приводятся немного иные данные: «В 1940 году в Эстонии были арестовано около 1000, а в 1941 году - около 6000 человек. Подавляющее большинство из них были признаны виновными и отправлены в тюремные лагеря СССР, где большинство из них погибло, или было казнено. По имеющимся данным, по крайней мере, 250 человек из заключенных в 1940 году были казнены... из заключенных 1941 года были казнены более 1600 человек».

Из уже упоминавшейся «Белой книги» можно узнать, что «в течение первой советской оккупации было арестовано около 8000 человек, из которых, по меньшей мере, 1950 были казнены в Эстонии». В другом месте этой же работы уточняется, что за шесть месяцев 1940 г. было арес-

* <http://a-dyukov.livejournal.com/>

товано, «по меньшей мере, 1082 человека», а в 1941 г. было зарегистрировано 1622 смертных приговора. Наконец, в подготовленном комиссией историков при президенте Эстонии «Заключении» говорится, что «в 1940 году НКВД арестовал почти 1000 граждан и жителей Эстонской республики, а в 1941 г. НКВД и НКГБ арестовали около 6000 человек... По имеющимся данным, из числа арестованных в 1940 году по крайней мере, 250 человек были казнены... из арестованных в 1941 году более 1600 были казнены».

Как видим, эстонские историки занимают практически консолидированную позицию: от 7 до 8 тысяч арестованных, из которых около 2 тысяч было казнено. Конечно, на массовые репрессии и, тем более, на геноцид, это не тянет. Восемь тысяч арестованных за один календарный год; от 0,6 до 0,7% от общего населения республики – чтобы назвать это геноцидом, нужно обладать чрезвычайно буйным воображением.

Самое интересное, однако, заключается в том, что эти маловпечатляющие данные являются сильно завышенными. Для того, чтобы это понять, следует сравнить их с извлеченной из фондов НКВД-МГБ статистикой.

Начнем с приговоренных к высшей мере наказания. Нам говорят, что в 1940 – 1941 году в Эстонии было казнено около 2000 человек. Однако согласно обнародованной российским историком Олегом Мозохиным подробной статистике репрессивной деятельности советских органов госбезопасности, за 1940 год во всем Советском Союзе к смертной казни было осуждено 1863 человека. В 1941 году число приговоренных к высшей мере увеличилось до 23786 человек, из которых лишь 8001 человек были казнены по политическим мотивам, причем большая часть смертных приговоров была вынесена после начала Великой Отечественной войны.

Проведя простейшие вычисления, мы обнаружим, что за год «первой советской оккупации Эстонии» (с июня 1940-го по июнь 1941-го) во всем необъятном Союзе было казнено от двух до трех тысяч человек. И что же, подавляющее большинство составляли эстонцы? А как же присоединенные к СССР одновременно с Эстонией Латвия и Литва – там что, никого не расстреливали? А действовавшие на Западной Украине оуновцы – их что, не казнили? И во всех остальных союзных республиках действовал мораторий на смертную казнь?

Давайте предположим, что современные эстонские историки говорят правду, и после присо-

единения к СССР в республике действительно было арестовано 8 тысяч человек. Сколько из них могли расстрелять? Общесоюзный коэффициент расстрелянных в мирное время – около 1,5% процентов от общего числа арестованных. Для 8 тысяч это – 120 человек. Конечно, мы не можем исключать, что, во-первых, в первой половине 1941 года соотношения расстрелянных и арестованных могло несколько увеличиться и что, во-вторых, в только что присоединенной к Советскому Союзу Эстонии коэффициент расстрелянных мог быть выше, чем в «старых» союзных республиках. Однако даже введение этих поправок несущественно увеличит абсолютное число расстрелянных. Ни о 1850 расстрелянных, о которых говорят одни эстонские историки, ни о 1950, о которых твердят другие, не идет и речи.

Эти цифры – абсолютно недостоверны. Более того, они абсурдны. Эстонские историки это, по всей видимости, понимают. Об этом свидетельствует тот факт, что в уже упоминавшейся коллективной работе «Обзор периода оккупации» помимо ритуальной цифры в 1850 расстрелянных, мы можем обнаружить гораздо более правдоподобные данные. Авторы «Обзора» обращают внимание, что смертные приговоры в Эстонии в 1940 – 1941 гг. выносились не гражданскими судами, а военными трибуналами – сначала трибуналом Ленинградского военного округа, а затем трибуналом войск НКВД Прибалтийского округа. При этом дела вместе с предложениями о наказании прокуратура направляла одновременно и трибуналам, и Особому совещанию НКВД СССР. Всего же «в 1940 – 1941 гг. особые трибуналы, действовавшие в Эстонии, приговорили к смерти, по крайней мере, 300 человек, примерно половину из которых – еще до начала войны».

Итак, согласно авторам «Обзора», с июня 1940 по июнь 1941 гг. к высшей мере наказания в Эстонии были приговорены 150 человек. Мы, к сожалению, не знаем, из каких документов взята эта цифра, однако она несравненно более адекватно соотносится как с общесоюзной статистикой по смертным приговорам и с приведенными ранее расчетными данными по Эстонии.

Конечно, найдутся люди, которые будут говорить, что казнь даже 150 невинных людей – преступление и в преступлении этом виноват непосредственно Кремль. Таким людям можно заметить, что, во-первых, между казнью 1950 и 150 человек все-таки существует весьма и весьма существенная разница. Если бы разницы не существовало, у эстонских историков не было бы нуж-

ды фальсифицировать численность расстрелянных. Во-вторых, почему это казненных следует считать невиновными?

Не будем углубляться в дискуссии, казнили ли в СССР невиновных (безусловно, казнили) и каково было среди казенных соотношение виновных и невиновных. Подобные дискуссии интересны, но малопродуктивны. Давайте просто посмотрим, кого, собственно говоря, советские военные трибуналы в Эстонии приговаривали в смерти. Сделать это мы можем благодаря эстонским историкам, которые в приложениях к изданной в 2006 году в Таллине книге «Эстония, 1940 – 1945» опубликовали достаточно подробный, хотя, разумеется, неполный список лиц, приговоренных к смертной казни советскими трибуналами. Сделали это они для того, чтобы еще продемонстрировать преступления советских «оккупационных» властей, а результат получился прямо противоположный.

Вот два эстонца, приговоренные 11 декабря 1940 г. к высшей мере наказания военным трибуналом ПрибОВО – Александр Пилтер и Вело Весилоо. Оба 1919 года рождения, оба служили в 22-м Эстонском территориальном корпусе РККА, но дезертировали из него и пытались убежать в Финляндию. Можно их назвать невиновными?

Вот Владимир Лебедев, осужденный 5 января 1941 г. Белогвардейский офицер, воевал в армии Деникина, с 1932 года – осведомитель эстонской тайной полиции в Петсери. Невиновный?

Арвед Лаане, командир 42-го стрелкового полка 22-го Эстонского корпуса. Похитил казенные деньги (5000 крон), пытался с ними скрыться, но был арестован в ресторане. Невинная овечка?

Питер Таранадо, бывший офицер царской армии, после революции – командир 2-го Петроградского полка Красной Армии. Перешел на сторону белых, воевал в армии генерала Юденича, в Эстонии сотрудничал с местной политической полицией, а во время советско-финской войны 1939 – 1940 гг. собирался отправиться в Финляндию, чтобы воевать с большевиками.

Эвальд Мадиссон, секретный агент эстонской тайной полиции, а после присоединения Эстонии к Советскому Союзу – секретный сотрудник НКВД. О том, что служил в тайной полиции он, естественно от руководства НКВД утаил; кроме того, передавал начальству дезинформацию.

Ханс Педак, эстонский военный, кавалер Креста Свободы. Во время так называемой «войны за независимость» в 1919 году командовал подразделением, занимавшимся расстрелами военнонопленных красноармейцев.

Я процитировал лишь одну страницу списка; однако в целом картина ясна. Во-первых, вовсе не все расстрелянные (и не все арестованные) были эстонцами. Это ставит крест на столь важных для эстонских историков и политиков рассуждениях о геноциде. Во-вторых, назвать эти расстрелы произвольными и необоснованными достаточно сложно.

Часть 2.

Разобравшись с числом и личностями расстрелянных за время «первой советской оккупации Эстонии», обратимся теперь к арестованным.

Как мы помним, согласно эстонской версии, до июня 1941 года было арестовано то ли семь, то ли восемь тысяч человек. Откуда взялись эти цифры, эстонские историки обычно не говорят. Молчание это следует признать весьма предсматрительным, поскольку первоисточник цифры, мягко говоря, малопочтенен.

Дело в том, что во время войны немецкие оккупационные власти в пропагандистских целях создали в Эстонии специальную комиссию для расследования «преступлений большевиков». Эта структура получила название «Комиссии Центра поиска и возвращения узевенных»; характерно, что в современной эстонской историографии ее название фигурирует исключительно на немецком – «Zentralstelle zur Erfassung der Verschleppten» (ZEV). Одним из результатов деятельности комиссии стала публикация поименных списков на арестованных «большевиками» в 1940 – 1941 гг. В списках значилось 7926 человек; немецкие пропагандисты заявляли, что все эти люди были осуждены, а значительная часть из них – расстреляна. Естественно, это была ложь. О достоверности данных ZEV можно судить по тому факту, что в июне 1941 г. она насчитала 14890 репрессированных, в июле – 30429, а в августе – 8146. Современные эстонские историки, за исключением самых отмороженных, эти «данные» называть избегают по причине их явной неадекватности, однако цифру в 8000 репрессированных за период до июня 1941 года все же используют.

Мы же обратимся не к материалам немецкой пропаганды, а к статистике советского НКВД – ведомства, располагавшего на этот счет исчерпывающими данными. К счастью, в настоящее время большая часть документов НКВД рассекречена, введена в научный оборот или даже опубликована.

Располагая этими данными, мы без особого

труда можем вычислить количество эстонцев, попавших в лагеря за время «первой советской оккупации». Начнем с 1940 года. К началу этого года (то есть еще до присоединения Эстонии к Советскому Союзу) в лагерях ГУЛАГа находилось 2720 эстонцев. К концу 1940-го заключенных-эстонцев стало чуть-чуть больше – 2781 человек. Из этого, однако, не следует, что в 1940 году к заключению в лагерях был осужден 61 житель Эстонской республики. Чтобы получить реальную цифру осужденных за год, нам следует учесть следующие обстоятельства. Во-первых, некоторое количество эстонцев, находившихся в лагерях на начало года, к концу года умерло. Во-вторых, часть эстонцев содержалась не в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ), а в исправительно-трудовых колониях (ИТК), сведений о составе заключенных которых за 1940 год нам обнаружить не удалось. В-третьих, кроме эстонцев на территории ЭССР проживали представители других национальностей, также попадавшие в лагеря.

Данные о смертности заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГ, рассчитанные на основании документов НКВД, хорошо известны. В 1940 году смертность заключенных в системе ГУЛАГа составила 2,72% к числу заключенных. Мы не имеем никаких оснований предполагать, что среди эстонцев умерших было больше, чем среди заключенных других национальностей; следовательно, число умерших за год составило около 75 человек.

Число эстонцев в колониях, как уже говорилось, нам неизвестно. Известно, однако, что в 1941 году соотношение эстонцев в лагерях и колониях составляло четырнадцать к одному. Поскольку в 1940 году серьезных изменений в составе эстонцев-заключенных не наблюдалось (смертность, как мы помним, была невелика, новых осужденных тоже немного), можно предположить, что соотношение эстонцев в ИТЛ и ИТК в 1940-м было таким же, как и в 1941-м. Следовательно, число заключенных в ИТК на начало года можно опре-

делить примерно в 200, а к концу года – в 210–220 человек.

Теперь учтем, что в новообразованной Эстонской ССР арестовывали не только эстонцев, но и проживавших там граждан других национальностей, большую часть из которых составляли русские. Определить численность этой категории не представляется возможным без обращения к документам органам госбезопасности ЭССР; по понятным причинам сделать этого мы не можем. Несомненно, однако, что эстонцы составляли большую часть арестованных и осужденных.

Подводя итоги всем этим выкладкам, мы можем определить число жителей Эстонии, приговоренных в 1940-м году к заключению в лаге-

Эстонские рабочие приветствуют коммунистическую партию

рях и колониях примерно в 200 человек.

Перейдем теперь к 1941-му году. К концу года в ИТЛ и ИТК находилось 7052 эстонца. Годовая смертность заключенных в системе ГУЛАГ составила около 6,1% от списочного состава; следовательно, общее количество заключенных-эстонцев вместе с умершими за 1941 год может быть оценено в 7500 человек. Как мы помним, на начало года в лагерях и колониях имелось около 3 тысяч человек; следовательно, за год в систему ГУЛАГ поступало около 4,5 тысяч новых заключенных-эстонцев.

Итак, за весь 1941 году в «советские лагеря» было отправлено четыре с половиной тысячи эстонцев. Однако в этом разделе мы (вслед за эстонскими историками) рассматриваем более уз-

кий период: с июня 1940-го до середины июня 1941 года. Как известно, 14 июня 1941 года, была проведена масштабная депортация из Эстонии антисоветского и уголовного элемента. Этую тему мы будем рассматривать отдельно; пока же, приведем лишь цифры: в результате депортации было арестовано 3178 человек, выслано – 5978. Таким образом, из 4,5 тысяч арестованных в 1941 году эстонцев большая часть – почти 3,2 тысячи – были арестованы во время депортации и должны учитываться отдельно.

Произведя нехитрые вычисления, мы обнаруживаем, что за первую половину 1941 года в лагеря и колонии было отправлено около 1,3 тысяч эстонцев; с учетом арестованных русских граждан Эстонии число репрессированных увеличивается примерно до 1,5 тысяч.

Подведем итоги. За год «советской оккупации» (с июня 1940-го по середину июня 1941-го) в Эстонии было расстреляно около 300 человек. К различным срокам заключения в лагерях и колониях были осуждены примерно 1700 человек, среди которых было немало русских (хотя эстонцы, естественно, составляли большую часть). Это и были жертвы ужасающего «красного террора», о котором столь громко скорбят сегодня эстонские политики и историки. Мы же в ответ на эти заявления можем смело отвечать: поздравляем вас, господа, соврамши. Репрессировано-то было не восемь и даже не семь, а всего-навсего две тысячи. И не нужно говорить, что для маленькой Эстонии это много. Это – 0,2% населения Эстонии; ни на геноцид, ни даже на массовые репрессии не тянет. И вообще, господа, прежде чем осуждать преступления «оккупационных властей», вспомните, что делалось в вашей стране во время независимости. Напомнить? Извольте: в 1938 году в Эстонии были созданы «лагеря для лодырей», куда на срок от 6 месяцев до 3 лет отправляли «шатающихся без работы и средств к существованию». Режим в этих лагерях был тюремным, рабочий день – двенадцатичасовым, в качестве наказания заключенных секли розгами. Учитывая, что в стране ежегодно разорялись тысячи крестьянских хозяйств, а промышленность стагнировала, в «лагерях для лодырей» независимой Эстонии сидело больше народа, чем за год «первой советской оккупации» попало в лагеря ГУЛАГа...

Часть 3.

14 июня 1941 года в Эстонии, как и в остальных прибалтийских республиках, была проведе-

на масштабная операция по выселению в отдаленные районы СССР «антисоветского и уголовного элемента». Вне всякого сомнения, это была самая масштабная репрессивная акция со времени вхождения Эстонии в состав Советского Союза; достаточно сказать, что число арестованных в ходе июньской депортации в полтора раза превысило число арестованных за весь предыдущий год. А ведь кроме арестованных были еще и ссыльные...

Неудивительно, что тема июньской депортации пользуется особой популярностью у эстонских историков и политиков. Однако вместо объективного изучения проблемы июньской депортации в Эстонии предпочитают заниматься подтасовками фактов. Подтасовки эти ведутся по трем направлениям:

во-первых, искажаются причины депортации.

во-вторых, искажается численность депортированных.

в-третьих, искажаются условия и последствия депортации.

Рассмотрим все эти сюжеты подробно.

1. Каковы были причины июньской депортации?

В Таллинне на этот вопрос ответ заготовлен заранее. Приступая к рассказам об июньской депортации 1941 года, эстонские историки непременно подчеркивают, что планы «депортации эстонцев» советские власти лелеяли давно – чуть ли не с первых недель присоединения Эстонии к Советскому Союзу.

«Подготовка к исполнению широкой акции принудительного переселения эстонского народа началась не позднее 1940 года, - пишет, например, историк М. Лаар. – Первые признаки депортации эстонцев можно найти из бумаг специального уполномоченного Сталина Андрея Жданова, руководившего разрушением самостоятельности Эстонии летом 1940 года, - здесь имеется замечание о том, что эстонцев следует выслать в Сибирь».

В «Белой книге» и вовсе называется точная дата: «*В Эстонии подготовка к массовым депортациям т.н. социально опасного элемента началась в соответствии с распоряжением НКВД № 288 от 28 ноября 1940 г.*»

Однако при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что все эти заявления не соответствуют действительности. Начнем с якобы найденного в бумагах Жданова «замечания о том, что эс-

тонцев следует выселить в Сибирь», о котором пишет Март Лаар. Прежде всего, следует заметить, что изложение этого документа Лааром выглядит весьма сомнительным. «Эстонцев следует выселить в Сибирь». Неужели всех поголовно? Возможность подобного мероприятия в 1940 году выглядит как минимум абсурдно. Да, советская власть осуществляла «переселения народов»: чеченцев, ингушей, крымских татар, калмыков и балкарцев. Но эти депортации, проводившиеся в годы войны (1943 – 1944), метко окрещены современными историками «депортациями возмездия» - коллективного возмездия за сотрудничество с врагом. В предвоенное время депортационных акций по отношения к целым народам не проводилось; так почему же по отношению к эстонцам должно было быть сделано исключение? Неужели в Кремле обладали даром предвиденья и уже в 1940 году знали, что после прихода немцев эстонцы начнут массово записываться в батальоны вспомогательной полиции и участвовать в карательных акциях против мирного населения по всей оккупированной территории СССР?

Пойдем далее. Допустим, документ, на который ссылается М. Лаар, действительно существует. Можно ли из этого сделать какие-либо выводы о намерениях советского руководства? Нет, нельзя.

Вот, например, вскоре после присоединения прибалтийских республик командующий войсками Белорусского особого военного округа генерал-полковник Павлов (не бог весть какой грамотей) отправил наркому обороны Тимошенко такую служебную записку:

«Существование на одном месте частей Литовской, Латвийской и Эстонской армий считаю невозможным. Высказываю следующие предложения:

Первое. Армии всех 3-х государств разоружить и оружие вывезти в Сов. Союз.

Второе. После чистки офицерского состава и укрепления частей нашим комсоста-

тавом – допускаю возможность на первых порах – в ближайшее время использовать для войны части Литовской и Эстонской армий – вне БОВО, примерно – против румын, авганцев или японцев.

Во всех случаях латышей считаю необходимым разоружить полностью.

Третье. После того, как с армиями будет покончено, немедленно (48 часов) разоружить население всех 3-х стран.

Занесдачу оружия расстреливать.

К вышеперечисленным мероприятиям необходимо приступить в ближайшее время, чтобы иметь свободу рук».

Если мы будем пользоваться методикой эстонских историков, то, обнаружив этот документ, начнем писать о том, что советские власти в 1940-м году планировали разоружить прибалтийские армии, а их личный состав отправить воевать в Афганистан. Однако на самом деле все обстояло прямо противоположным образом. В Кремле на предложение Павлова отреагировали очень просто. Выбросить в корзинку слу-

жебную записку командующего БОВО нельзя – и поэтому ее просто отправили в архив. А 17 августа 1940 года нарком обороны маршал Тимошенко издал приказ, согласно которому армии прибалтийских республик просто-напросто переформировывались в территориальные стрелковые корпуса Красной Армии. При этом в солдаты территориальных стрелковых корпусов продолжали носить старую форму, офицерский состав был немного разбавлен русскими и эстонцами-коммунистами, а командующим 22-го Эстонского корпуса был назначен генерал-майор Густав Йонсон, бывший командующий вооруженными силами независимой Эстонии.

Как видим, даже если документ, на который ссылается М. Лаар, существует в природе, делать на его основе какие бы то ни было выводы о намерениях советских властей нельзя. Но может, о подготовке депортации из Эстонии в 1940-м году

Эстонские фашисты

действительно свидетельствует распоряжение НКВД № 288 от 28 ноября 1940 г., на которое ссылаются авторы «Белой книги»?

Увы! Ссылка на распоряжение № 288 в качестве доказательства подготовки депортации в 1940-м году – обычная подтасовка фактов. Никакого отношения к подготовке депортации этот документ не имеет.

В той же «Белой книге» мы можем прочитать, что, собственно, представляло собой это самое распоряжение: «*28 ноября 1940 г. Народный комиссар внутренних дел СССР завизировал распоряжение № 288, согласно которому в НКВД Эстонской ССР (как и Украины, Белоруссии, Молдавии, Карелии, Латвии и Литвы) надлежало завести картотеку по т.н. контрреволюционному и антисоветскому элементу.*

Ну и где, извините, здесь депортация? Во все времена и во всех странах соответствующими структурами велись картотеки политически неблагонадежных лиц. Это – одна из основ деятельности служб национальной безопасности и я сильно сомневаюсь, что от нее отказалась даже в наше демократическое время. А уж в тридцатых – сороковых годах такие картотеки имелись далеко не только в Советском Союзе; эстонская политическая полиция наверняка имела что-то подобное – не зря же в ее составе имелся отдел по борьбе с инакомыслием. Следует ли из этого, что в независимой Эстонии готовились депортации?

Эстонские историки вообще слишком много внимания придают попавшей им в руки картотеке учета «контрреволюционного и антисоветского элемента». Обязательным элементом рассказа о событиях «первой советской оккупации» является упоминание о том, что «*с января по май 1941 года на учете в так называемой картотеке политических неблагонадежных было 37794 человека и были сделаны запросы еще по 27597 лицам*». Таким образом читателю пытаются дать понять, что под угрозой ареста находилось как минимум около сорока тысяч эстонцев – а может и все семьдесят. Однако это не соответствует действительности.

В начале июня 1941 г. в НКГБ СССР была подготовлена обобщающая справка «О количестве учтенного антисоветского и социально-чуждого элемента по НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». Согласно этому документу, по ЭССР было учтено:

Участников к/партий и а/с нац. организаций - 1470

Бывших охранников, жандармов, руковод. состав полиции и тюремщики - 670

Помещики, фабриканты, крупн. чиновники бурж. гос. аппарата - 2100

Бывш. офицеры и белогвардейцы - 425

Уголовный элемент и проститутки - 691

Члены семей, учтенный по пунктам 1, 2, 3 и 4 - 8900

Члены семей участн. к/р нац. организац., главы которых осуждены к ВМН - 195

Члены семей участн. к/р нац. организац., главы которых скрываются - 20

Итого: 14471

Как видим, из 37794 человек, проходивших по картотеке, и 27597, на которых «были сделаны запросы», лишь 13780 были сочтены НКГБ «политически неблагонадежными» (уголовники и проститутки в эту категорию включены быть явно не могут). Так что ценность картотеки антисоветского и контрреволюционного элемента для изучения советской репрессивной политики в Эстонии, мягко говоря, сомнительна.

Подведем промежуточные итоги. Никаких доказательств тому, что подготовка к депортации начала проводиться еще в 1940 году, эстонскими историками не представлено. Это не удивительно – ведь представить доказательства тому, чего не было, весьма проблематично.

Российские историки давно обнародовали факт, ставящий крест на любых рассуждениях о начале подготовки депортации из Эстонии в 1940 году. Дело в том, что июньская депортация 1941 года осуществлялась в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента». Постановление это разрабатывалось руководством НКВД и первоначально депортацию планировалось проводить лишь с территории Литвы. Латвия и Эстония были вписаны в проект постановления в самый последний момент. Проект даже не успели перепечатать – слова «Латвийская и Эстонская ССР» вписаны в него от руки. Таким образом, решение о депортации из Эстонии не готовилось заблаговременно, а было принято в определенном смысле импульсивно, под влиянием момента.

Эстонские историки пытаются скрыть это вполне объяснимой причине. Любой человек, осознавший, что Кремль принял решение о проведении депортации из Эстонии буквально в последний момент, поневоле задастся вопросом: «Так

почему же решение о депортации было принято?» Ответ на подобный вопрос крайне неудобен для сегодняшнего Таллина.

В предыдущем разделе мы подробно рассмотрели размах репрессивной деятельности в Эстонии в июне 1940 – июне 1941 гг., и убедились, что ни о каких массовых репрессиях в этот период не может идти и речи. А коли так, июньская депортация не может являться продолжением репрессий 1940 – 1941 гг., как это утверждают в Таллине. Напротив, депортация была разрывом со всей предыдущей политикой Кремля по отношению к Эстонии.

Дело в том, что депортация 1941 года организовывалась не для геноцида эстонского народа, как рассказывают сегодня в Таллине. Депортация из прибалтийских республик была способом борьбы с подготовленной нацистскими спецслужбами «пятой колонной» из местных националистов. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР необходимость депортации обосновывалась предельно ясно: «в связи с наличием в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР значительного количества бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, бывших полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях».

Прибалтийские республики были покрыты разведывательными сетями абвера и сотрудничавших с ним подпольных националистических организаций. В ожидании нападения Германии на советский союз прибалтийские националисты готовились к вооруженным выступлениям в тылу советских войск. О масштабности этих приготовлений можно судить по докладу, отправленному в мае 1941 года Берлин восточнопрусским отделением «Абвера II»: «Восстания в странах Прибалтики подготовлены, и на них можно надежно положиться. Подпольное повстанческое движение в своем развитии прогрессирует настолько, что доставляет известные трудности удержать его участников от преждевременных акций. Им направлено распоряжение начать действия только тогда, когда немецкие войска, продвигаясь вперед, приближаются к соответствующей местности с тем, чтобы русские войска не могли участников восстания обезвредить». Удерживать националистов от преждевременных выступлений удавалось не всегда; как мы помним, осенью 1940 – зимой 1941 года в рай-

оне эстонского города Киллинги-Нымме действовал крупный отряд «лесных братьев», расстреливавший представителей советских властей и активистов.

Советские спецслужбы, действовавшие в Эстонии весьма деликатно, разгромить связанное с нацистскими спецслужбами подполье не смогли. Конечно, отдельные успехи были. Так, например, незадолго до начала войны была пресечена деятельность т.н. «Комитета спасения Эстонии». У арестованных участников «Комитета» было изъято множество оружия, радиоаппаратура и шифры, использовавшиеся для поддержания связи с немецкой и финской разведками. Однако этого было недостаточно – и тогда в Кремле было принято решение о депортации.

Это решение можно назвать жестким. Но «необоснованным» его назвать нельзя, учитывая, что в первые же дни после нападения Германии на СССР только в трех прилегающих к Псковской области районах Эстонии в тылу Красной Армии начало действовать около 260 отрядов и групп «лесных братьев».

Так что если бы прибалтийские националисты не сотрудничали с германскими спецслужбами и не готовили диверсионные выступления, в депортации из этих республик «антисоветского элемента» не было бы никакой необходимости. Именно деятельность националистов вызвала депортацию – и именно об этом эстонские историки предпочитают умалчивать.

Часть 4.

Продолжим разбор поэтических взглядов эстонцев на депортацию 14 июня 1941 г. Какова была численность депортированных? Эстонские историки всеми силами пытаются число жертв депортации завысить. Усилия эти, правду сказать, выглядят малоприлично – особенно если учитывать, что в России давно рассекречены и введены в научный оборот документы, раз и навсегда закрывающие эту проблему.

Для завышения числа жертв июньской депортации в Таллине используются все средства вплоть до прямых подлогов. Например, премьер-историк Март Лаар, утверждает, что «по директиве, составленной в 1941 г. органами советской госбезопасности, принудительной высылке со вновь присоединенных территорий СССР подлежали все члены бывшего правительства, крупнейшие государственные чиновники и представители суда, военнослужащие высших чинов, члены политичес-

ких партий, члены добровольных организаций по защите государства, члены студенческих организаций, люди, активно участвовавшие в вооруженном сопротивлении против советских властей, полицейские и члены военизированной организации *Kaitseleit* (Союз защиты), представители зарубежных фирм и вообще все, кто имел хоть какие-то связи с заграницей (в т.ч. филателисты и интересующиеся эсперанто), а также крупнейшие предприниматели и банкиры, церковнослужащие и члены Красного Креста. В общей сложности, в данную категорию входило 23% всего населения Эстонии».

Это утверждение является явной и несомненной ложью. Если мы обратимся к ключевому документу депортации – постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально- опасного элемента» от 16 мая 1941 г., то увидим, что аресту и направлению в лагеря на срок от 5 до 8 лет подлежали:

- активные члены контрреволюционных организаций и участники антисоветских националистических белогвардейских организаций;
- бывшие охранники, жандармы, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовые полицейские и тюремщики, на которых имелись компрометирующие материалы;
- бывшие крупные помещики, фабрикаты и крупные чиновники бывшего государственного аппарата;
- бывшие офицеры национальных армий, на которых имелись компрометирующие материалы;
- уголовный элемент.

Члены семей первых четырех категорий, а также участников антисоветских организаций, осужденных к ВМН или находящихся в бегах, направлялись в ссылку в отдаленные районы СССР.

Как видим, вопреки утверждениям М. Лаара, высылке не подлежали члены политических партий, военизованных и студенческих органи-

заций, служители церкви, члены Красного Креста и «вообще все, кто имел хоть какие-то связи с заграницей (в т.ч. филателисты и интересующиеся эсперанто)». Это утверждение эстонского премьера-историка является ложью. Полуправдой является утверждение о том, что высылке подлежали полицейские и офицеры; на самом деле эти категории депортировались только при наличии на них компрометирующих материалов.

Очевидной ложью является и то, в категории, подлежащие депортации входило 23% населения Эстонии. Как мы видим, категории населения, подлежащие депортации, практически полностью совпадают с категориями, приведенным в уже упоминавшейся справке НКГБ СССР от 5 июня 1941 года. Согласно этой справке, общая численность

учтенного антисоветского и социально-чуждого элемента составляла 14471 человек, что составляет около 1,3% населения Эстонии.

Эстонские историки хорошо осведомлены и о существовании справки НКГБ СССР от 5 июня 1941 г., и об ее содержании. Однако

в «белой книге» этот документ выдается за «плановое задание депортации» - дескать, Кремль распорядился выселить все 14,5 тысячи человек, значащихся в справке. Это – еще одна грубая фальсификация.

На самом деле не все политически неблагонадежные подлежали депортации. Депортировать из Эстонии было решено 11102 из учетных 14471 представителя антисоветского и социально-чуждого элемента. Эти приводимые самими эстонскими историками данные являются несомненными и неоспоримыми, поскольку подтверждаются хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации запиской замнаркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова замнаркому НКГБ СССР И.А. Серову об эшелонной разнарядке по репрессируемым элементам.

Более того, на самом деле во время июньской депортации из ЭССР было выселено существенно меньше людей, чем планировалось. Вот

**Советские солдаты
в освобожденном Таллине**

направленная Сталину докладная записка наркома НКГБ СССР Меркулова от 17 июня 1941 г.: «Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. По Эстонии: арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек, всего репрессировано 9156 человек». Как видим, итоговая цифра арестованных и высланных оказалась практически на две тысячи меньше запланированной и составила около 0,8% населения республики.

Однако, даже несмотря на наличие такого исчерпывающего документа, как записка Меркулова, эстонские историки продолжают завышать число депортированных. Например, авторы уже упоминавшегося «Заключения» утверждают, что «14 июня 1941 года более 10 000 человек (по некоторым данным 10 861) были депортированы из Эстонии целыми семьями». Откуда же взялось число в 10861 депортированного, если согласно документам НКВД это число практически на две тысячи ниже? Все очень просто: как мы узнаем из «Белой книги», это – данные т.н. Бюро регистра репрессированных Эстонии, причем в итоговое число эстонцами включены не только депортированные 14 июня 1941 г. семьи, а еще и дети, родившиеся в депортации и даже те, кто был включен в списки депортированных, но депортирован не был.

Это уже просто какое-то наперсточничество чистой воды: вот есть шарик, а вот его нет. Скажите мне, каким образом родившегося в 1942-м или в 1950-м году человека можно считать жертвой депортации 1941-го? И как можно считать жертвой депортации того, кто вообще депорти-

рован не был? Мне, видимо, никогда не понять специфической эстонской логики.

Когда эстонских наперсточников ловят за руку, они начинают страшно нервничать и прибегают к демагогии. Например, посол Эстонии в России Тийт Матсулевич заявил в интервью газете «Известия» следующее: *«Наверное, вообще неэтично ссылаться на количественные показатели. 14 июня 1941 года из нашей страны вывезли более 10 тысяч человек. А тысячу, к примеру, или сто, следует считать, что ли, более пристойной цифрой? Эти десять тысяч составляли фактически элиту населения страны».*

Ну, во-первых, депортированных было не «более десяти тысяч», а «более девяти». Во-вторых, среди депортированных, как мы помним, имелись не только члены правительства и фабриканты, но еще охранники, жандармы, полицейские и тюремщики. Хороши у эстонского посла представления о национальной элите, нечего сказать. А ведь кроме тюремщиков, среди депортированных были еще уголовники и проститутки общей численностью 691 человек (7,5% от общего числа жертв депортации). Судя по тому, что эстонские историки упорно умалчивают о существовании этой категории депортированных, уголовники и проститутки и впрямь считаются в Таллине представителями эстонской элиты образца 1940 – 1941 годов.

Что же касается неэтичности ссылок на количественные показатели, то подобные упреки очень странно слышать от людей, которые с достойным лучшего применения упорством эти самые количественные показатели пытаются завысить.

Декабрь 2006

КРИТИКА**С ДУМОЙ О БУДУЩЕМ****A. Каллистов**

В 2006 году редакция газеты «Мысль» на своих страницах открыла дискуссию, название которой не сформулировано, но может быть оценено как стремление определить насколько практические дела руководства СССР в тот или иной период его развития соответствовали прогнозам классиков научного коммунизма, и что явилось причиной временного поражения социализма в ССОР и странах Восточной Европы и, соответственно, какие практические уроки мы должны извлечь для себя в будущем.

Сама по себе идея является весьма позитивной. Поэтому, ознакомившись с двумя статьями в рамках этой дискуссии, опубликованными в № 9/275 от августа 2006 года, я решил высказаться по некоторым вопросам этой темы.

Но, прежде чем это сделать, я должен напомнить читателям некоторые положения.

Кто такой коммунист? В дискуссии, развернувшейся на страницах издания «Слово к рабочему», работник ВГУП Гознак Чижиков А.В. и инженер Столярова Л.И. пишут:

«Пришло понимание того, что у власти те же коммунисты, выходцы из КПСС и члены действующей КПРФ. Это они делят между собой национальную, общенародную собственность, предав забвению создателя этой собственности - трудовой народ. Это они чтобы успешно управлять народом в свое время разделяли его на рабочих и на всех остальных - «гнилую» интеллигенцию».

Между прочим, такую «кочку зрения» разделяют сегодня многие. Для сторонников её, коммунист - это обладатель партийного билета какой-либо партии, не важно какой по сути, но именующий себя коммунистической - КПСС, КПРФ, СКП-КПСС и пр. Они готовы считать фашистом даже Максима Максимовича Исаева (собирательный образ главного героя телефильма «Семнадцать мгновений весны») лишь потому, что он по версии фильма

имел чин оберштурмбанфюрера СС и работал в IV отделе РХСА. Они не знают или не помнят истории своей страны, историю ленинской партии, в которую практически с мгновения её появления стали проникать идеологические враги, умело маскировавшие своё истинное лицо.

Примеры? Пожалуйста! Широко известен случай, когда рабочий Р.В. Малиновский, член ЦК РСДРП с 1912 г. и депутат IV Государственной думы от рабочей курии Московской губернии, председатель думской фракции большевиков одновременно являлся агентом царской охранки. Или более поздние примеры, уже после революции: видные деятели партии и советского государства Троцкий, Ягода, Пятаков, Бухарин, Сокольников, Тухачевский, Радек, Каменев, Зиновьев и целый ряд других. Отнюдь не тайно, а во время открытых процессов 1937-1938 гг., в присутствии представителей зарубежной прессы они сами, открыто и откровенно рассказывали о своей преступной антигосударственной и антикоммунистической деятельности. А вот и последняя волна отнюдь не рядовых «коммунистов» - Горбачёв, Ельцин, Яковлев, Чубайс, Шахрай, Гайдар, Бурбулис и целый ряд им подобных. Это что, разве не гнилая интеллигенция даже без всяких кавычек?

Это всё оборотни, мерзость приспособленческая. А настоящий коммунист - это человек искренне и до конца воспринявший коммунистическую идеологию и решительно добивающийся построения на нашей планете бесклассового и бесгосударственного общества, счастья и социальной справедливости для каждого члена общества. И совершенно не важно какова его профессия. Важно лишь то, чтобы у него была искренняя цель: овладение глубокими знаниями марксизма-ленинизма, т.е. законов развития человеческого общества, и претворение их в жизнь.

Ещё один важный вопрос, связанный с оценкой истории СССР. Как-то еще в 90-х годах уже прошлого века в дискуссии с одним из «де-

мократов» (тогда они ещё не уходили трусливо, как сейчас, от дискуссий), который усиленно критиковал советскую власть, я сказал ему: «Будьте добры, назовите хотя бы один недостаток, присущий коммунизму или его первой стадии - социализму, которого не было бы раньше». Он перечислил несколько и я тут же на практических примерах показал ему, что эти недостатки пышным цветом цвели почти во всех предшествовавших эксплуататорских общественно-экономических формациях. В конце концов, он постарался перевести разговор на другую тему.

Из всего сказанного уже можно сделать первый вывод. Процитированные ранее реплики Чижикова и Столяровой относятся, и совершенно правильно относятся, вовсе не к настоящим коммунистам, а к тем так называемым «коммунистам», которые представляли собой в лучшем случае карьеристов и хапуг, а в большинстве своем - врагов советской власти, так называемую «пятую колонну» мировой империалистической буржуазии, боровшейся с советской властью с первых дней её существования. В социальном плане они и представляют собой именно вот эту пресловутую гнилую интеллигенцию, которую следовало бы так называть без всяких кавычек.

Еще одним мотивом дискуссии является обвинение советского руководства в отсутствии или, как минимум, в серьезном ограничении демократичности, в том, что диктатура пролетариата была попыткой превратить рабочий класс в новую элиту, попирающую всех остальных трудящихся. Действительно в левой оппозиции находились «теоретики», которые на полном серьезе предлагали принимать в коммунистическую партию только рабочих крупных промышленных предприятий со стажем работы не менее пяти лет, а остальных принимать в виде исключения под строгим контролем.

Они клеймили И.В. Сталина за то, что в Конституции от 5 декабря 1936 г. он заменил термин «диктатура пролетариата» на понятие «диктатура рабочего класса».

Но ведь Сталин был прав: пролетариата уже действительно не было. Средства производства принадлежали всему народу на праве общей собственности. Была ликвидирована система наемного труда (правда, не сразу, а с

ликвидацией последнего эксплуататорского класса - кулачества - на основе сплошной коллективизации) и просто смешно выглядят потуги некоторых «марксистов», заявляющих, что советский рабочий занимался и какой-то «партийно-государственной бюрократией».

Диктатура рабочего класса выполняет две основные функции. В сфере государственной - это система Советов депутатов трудящихся. В партийно-политической - это воспитание нового человека, освобожденного прежде всего от пережитков капитализма в своём сознании. И, конечно же, ошибкой руководства: страны было явное дублирование и даже подмена системы Советов и явное неуважение к воспитательной функции, уверенность в том, что организация нового строя сама по себе все делает. (Бытие определяет сознание).

Вопли о партийно-государственной бюрократии вызваны в основном двумя обстоятельствами. Первое из них заключается в том, что с лета 1918 года наша страна и её новая Советская власть находились вынужденно в состоянии боевого лагеря, требующего железной дисциплины и организации. Как пример, вспомним попытку ленинцев осуществить в 1918 году марксистские положение о замене постоянной армии вооружённым народом. В самый кратчайший срок из-за серьёзных негативных последствий мы отказались от выборности командиров, от второй подписи комиссара под любым приказом и т. п.

Второе заключалось в двойной ошибке руководства, отменившего ленинский партмаксимум и введении понятия «номенклатура», т.е. обязательное замещение самых ответственных должностей только членами партии. И в ней начали всевозможными способами пролезать карьеристы, а то и скрытые враги.

Но есть еще один важнейший вопрос, который нужно рассмотреть прежде, чем мы перейдём к основному вопросу дискуссии — кто и как должен распоряжаться общественной собственностью. Это вопрос о взаимоотношении плановой, нерыночной социалистической экономики и рыночной капиталистической экономики.

Начнем с того, что до 1929 года государственного экономического планирования хозяйственной деятельности человека на земле вообще не существовало. Только в нашей стра-

не в 1920 году были сделаны первые попытки такого планирования в виде план ГОЭЛРО, который был рассчитан на 10 лет и затем блестяще выполнен. Но и то эта попытка ещё не была устоявшейся системой. Напомним читателям, что составление и реализация первых советских пятилетних планов в сочетании с некоторыми другими факторами позволило достичь таких уровней прироста продукции народного хозяйства, каких не добивалось ни одно капиталистическое государство. Заметим при этом, что современные империалисты, поняв все преимущества планового ведения хозяйства, почти во всех крупнейших государствах перешли на такое планирование и создали свой своеобразный симбиоз из социалистического производства и капиталистического распределения.

Так или иначе, но жизнь привела всех мыслящих руководителей к бесспорному выводу - плановая государственная организация народного хозяйства пре- восходит и полностью исключает стихийное рыночное капиталистические хозяйство. Казалось

бы всё ясно. Так нет. В 1907 - 1912 гг., т.е. в период отступления революции, в рядах трудающихся, и, прежде всего интеллигенции, начинаются идеологические шатания, появляются «теории», которые «объясняют» почему отступила революция и «рекомендуют» железобетонные способы исправления положения.

Одна из таких теорий вновь всплыла в кругах левой оппозиции с десяток лет тому назад. Одним из пионеров этой теории был ныне покойный профессор Б.П. Курашвили. Его дело продолжили член РАН Клопвог и ряд других

учёных. Суть теории состояла в том, что, мол, рыночная экономика может эффективно обслуживать любую общественно-экономическую формацию, в том числе и социалистическую. Несмотря на мои попытки доказать порочность этой теории, она получила распространение и сейчас стала базой развернувшейся дискуссии.

Вот несколько цитат из статьи кандидата философских наук В.К. Дьяченко, который, в свою очередь откликается на опубликованные в №7 за 2006 г. газеты «Мысль» статьи Р.З. Арсланова и Е.Т. Щербаковой. Автор поддерживает точку зрения Арсланова и критикует Щербакову.

**СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
В МИЛЛИОН РАЗ ДЕМОКРАТИЧЕСЬ
САМОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

«Попытаемся споставить взгляды обоих авторов (Арсланова и Щербаковой) по затронутым ими проблемам с положениями классического марксизма, т.е. учением К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Сознательно или не сознательно, но совершенно явно Арсланов исходит из реального исторического процесса развития СССР после В.И. Ленина; теория К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина была извращена, трансформирована в государственно-социалистическую идеологию, выражющую относительно самостоятельные интересы нового слоя партхозуправленцев».

«Классики научного коммунизма, противопоставляют друг другу частную и общественную (отнюдь не государственную) собственность на средства производства. Они рассматривали национализацию средств производства как исторически необходимый способ превращения их в общую собственность лю-

дей труда. Идеология и политика государственного социализма отождествили общественную собственность с государственной её формой, добавив словечко «общенародная». В современных исторических условиях, но именно в интересах советской бюрократии, была установлена государственно-бюрократическая собственность».

И закончим цитирование большой тирадой из статьи А.В. Чижикова и Л.И. Столяровой из издания «Слово к рабочему» № 3 за сентябрь 2006 года:

«Базисом новых социально-экономических условий должна стать подлинно общественная собственность на всю национальное богатство и персонализированный (социалистический) способ присвоения результатов своего труда и доли (не изымаемой в денежном выражении) национального богатства. В коммунистическом обществе все и каждый гражданин - совладельцы всего национального богатства. И развитие на этой основе широчайшего самоуправления на всех уровнях производства и общества как механизма уничтожения (в перспективе) государства (аппарата бюрократического управления и насилия). Это общая формула, детали опущены, но могут быть предъявлены. Они рассчитаны и научно, (и в первую очередь с позиций марксизма) обоснованы, устраняется система наёмного труда, эксплуатация не только человека человеком, но и человека государством, устраняется буржуазная эксплуатация и отчуждение от результатов труда, собственности и власти, иерархические производственные и общественные (словесные) отношения и создаются социально-экономические условия для проявления и развития новых форм колlettivistских отношений».

Ну, а теперь попробуем разобраться во всём этом. Начнем с того, что критерием правильности любой теории является практика. Где-то в 70-е годы студент инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева написал великолепную басню о коте, который блестяще овладев теорией вышел на охоту за

мышью и, увидев объект, тут же произвёл сложный расчёт нападения. Но, пока он это закончил, объект скрылся в норе. Кончаемся басней словами:

«Таков удел печальных дел:
Сорвалась у кота атака.
В науках он собаку съел,
А в практике – как кот наплакал.
Ошибочность подобной тактики –
В недооценке роли практики».

Позволю себе напомнить читателям, что во времена К. Маркса и Ф. Энгельса не было ещё пролетарского государства. Поэтому и вопрос о государственной собственности не мог стоять перед ними как практическая проблема. Опыт 72 дней Парижской коммуны из-за своей краткости не может идти в расчёт. Даже при В.И. Ленине частная собственность не была ещё до конца уничтожена, и поэтому вопрос о государственной собственности тоже не встал ещё во весь рост.

Заслуга И.В. Сталина, которого, кстати, авторы процитированных статей к классикам марксизма не относят, и состояла как раз в том, что ему пришлось взвешивать на весах практики все политические марксистско-ленинские теории.

В статьях, опубликованных в номерах 7 и 9 газеты «Мысль» радетели защиты чистоты марксистско-ленинской теории не приводят конкретных примеров того как на практике будут выглядеть их рекомендации об отмене государственной собственности на орудия и средства производства и замена её собственностью трудовых коллективов, где эти собственники будут решать вопросы не только использования своих собственных средств производства, но и распределения полученного продукта. Правда, в статье т.т. Чижикова и Столяровой указано, что это общая формула, тогда как детали опущены, но могут быть в любой момент представлены. Они рассчитаны и научно, в первую очередь с позиций марксизма, обоснованы. В них предусмотрено устранение системы наёмного труда, исключена не только эксплуатация человека человеком, но и человека государством.

Хочу напомнить читателям, что в ходе идеологической войны с коммунистической идеологией враги трудового народа широко использовали такой подлый прием - они брали

то или иное положение в марксистской теории или практики, доводили его до абсурда и тем дискредитировали. Они рассчитывали на то, что при всем радикализме процесса сознание даже сознательных трудящихся не может сразу правильно прореагировать на изменения уклада жизни. К примеру, попробуем представить, что могло произойти, если бы большевики после Великой Октябрьской социалистической революции не дали бы сразу крестьянину пусты и маленький, но его личный клочок земли, а вместо этого попытались установить систему крупных совхозов. Ведь даже сам В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» отметил, что 83% товарного зерна в России давали не мелкие единоличные крестьянские, а крупные помещичьи хозяйства. Практика показала, что в этом случае революция была бы обречена на поражение. Именно разумное, постепенное подведение крестьянина к коллективизации позволило решить её, хоть и с немалыми сложностями, к общей пользе народа и советской власти. Но когда к такому методу прибегают не классовые влаги, а люди, клянущиеся в верности марксизму-ленинизму, тут остается только руками развести.

Вот, к примеру, сейчас отбивает длительный срок лишения свободы И.В. Губкин. В своё время он решил обогатить теорию и в газете опубликовал ряд конкретных действий, которые советская власть, по его мнению, должна была бы произвести сразу же после второй социалистической революции. Назовем лишь некоторые из них: конфискация всех ювелирных изделий из драгоценных металлов (надо полагать, и обручальные кольца у женщин); образование из молодежи трудовых армий (надо полагать, и из студентов путем закрытия вузов) и т.п. Как встретит такие «мероприятия» простой трудящийся человек, рядовой обыватель, без поддержки или хотя бы нейтралитета которого никакая революция невозможна? Ответ очевиден. Поистине прав был великий баснописец И.А. Крылов, написавший в одной из басен: «Услужливый дурак опаснее врага».

Но, прежде чем перейти к воссозданию картины того, что получится на практике при внедрении в жизнь рекомендаций «защитников чистоты марксистско-ленинской теории», надо

сказать читателям, что же послужило началом временного поражения социализма в СССР. Общеизвестно, что корни политики лежат в экономике: общественное бытие определяет общественное сознание. Так вот развал СССР начался с экономических новаций Хрущёва и Косыгина. Переход оценки деятельности промышленных предприятий с себестоимости на прибыль, расширение сферы товарно-денежных отношений, вялое реагирование на бурное развитие теневой экономики, где сосредоточились денежные средства, явившиеся впоследствии финансовой базой для первоначального накопления капитала в форме приватизации и возврат к рыночной капиталистической экономике, все «прелести» которой трудящиеся ныне ощущают на своём собственном горбу.

Перейдем теперь к самому сложному вопросу - о собственности. Ранее цитируемые авторы противопоставляют собственность государственную и общенародную. Первую они представляют как изобретение партхозбюрократии и отход от марксизма, а вторую - как базу для собственности трудовых коллективов. Напомним читателям, что собственность, в отличие от владения, пользования и распоряжения, означает, что права собственника никем и ничем не могут быть ограничены, он (собственник) вправе поступать с объектом собственности как ему будет угодно: уничтожить, передать кому-либо, использовать не по назначению. Соответственно, по мысли Дьяченко и Ко, стоимость, созданная трудом данного коллектива собственников должна распределяться по воле и в интересах этого самого коллектива. И что же будет тогда с государственным планированием, эффективность которого перед рынком доказана фактически его (планирования) применением в условиях развития народного хозяйства СССР? Можно ли будет построить еще одну БАМ или крупную гидроэлектростанцию, или крупный металлургический комбинат? Ведь сужение интересов такого коллектива собственников своего хозяйствующего субъекта неизбежно повлечет за собой мелкогрупповой эгоизм, недооценку государственных интересов, застой экономической жизни. И, наконец, пышным цветом расцветёт конкуренция и возродится тот самый капиталистический

рынок, существование которого вольно или невольно защищают авторы этих идей. Что Вы видите в этом от социализма и коммунизма, Виктор Кириллович? Что Вы видите здесь от учения классиков марксизма?

А что это за термин «советская бюрократия»? Это та, которая, по Вашему мнению, «изобрела» или «создала» государственную собственность? И что, действительно единственным единственным средством от такой советской бюрократии является раздробление общенародной собственности среди трудовых коллективов? Значит долой всякий централизм, как прибежище советской бюрократии, и да здравствует «чистая демократия»?

История развития, деформации и временного распада СССР показывает каждому трезвомыслящему человеку, что:

- бюрократизм, как общественное явление, не присущ социализму и строительству коммунизма, а является в России пережитком царизма, где он цвёл пышным цветом;

- бюрократические методы в народном хозяйстве были или непреодолённым ещё пережитком царского и капиталистического прошлого в сознании работников госаппарата, или в форме саботажа были одним из методов борьбы врагов народа (к которым с полным правом нужно отнести и карьеристов) с советской властью;

- объединение понятий «бюрократизм» с понятием «централизм» и «государственная дисциплина и законность» - есть приём политического шулера, недопустимый в кругах людей считающих себя марксистами и сторонниками коммунистической идеи.

Подводя итоги сказанному, следует отметить:

1. Временная победа империалистической контрреволюции в СССР была не следствием использования советской бюрократией государственной собственности, а объединёнными усилиями мировой империалистической буржуазии и сил внутренней контрреволюции, кото-

рые уже с первых же часов существования Советской власти и до последнего её дня вели яростную многостороннюю борьбу с ней.

2. Облегчила им эту задачу хрущёвская политика «оттепели», когда была ослаблена требовательность и ответственность работников всех степеней за результаты своей работы, ослаблено идеологическое противоборство с пропагандистской машиной наших классовых врагов, поднят флаг «мирного сосуществования» с империализмом, подвергнуто всесторонней критике всё, что сделано в стране в плане построения социализма до 1953 года.

3. В данный период времени коммунистам необходимо, в том числе и путём широких дискуссий, преодолеть идеологические шатания, раскритиковать и идейно разгромить различного рода как реакционные, так и левацкие теории построения социализма и коммунизма.

4. Отстоять в планах на будущее:

- а) восстановление в полном объёме плановой нерыночной социалистической экономики;

- б) обеспечение дальнейшего развития её с уменьшением элементов рынка и денежного обращения;

- в) обеспечить чёткое разграничение функций диктатуры рабочего класса на государственную в форме Советов и партийно-идеологическую в форме марксистской партии. Осуществлять идеологическое руководство страной через членов партии, работающих в составе Советов и их исполнительных органов;

- г) строго соблюдать принципы демократического централизма. Восстановить систему органов народного контроля.

- д) добиться восстановления морально-политического единства советского народа. Постоянно повышать общественно-ведческую, философскую образованность народа.

- е) обеспечить открытую идеологическую борьбу путём всемерного развития контрпропаганды против так называемых «ценностей открытого общества».

КРИТИКА

ПИСЬМО ПАРТИЙНЫМ ТОВАРИЩАМ

*Редакция***Дорогие товарищи.**

Процесс полного распада Московской организации РКРП-рпк начался с последней отчетно-выборной конференции. Т.е. Она прошла в МО не как у нормальных людей, до съезда партии, а так, как и положено у мастеров подковёрной «революционной стратегии борьбы»*. После съезда.

Строго говоря, дорогие товарищи, теперь у Вас в Московском регионе практически нет организации, стоящей на исходных позициях РКРП. В результате вполне естественных предательств со стороны неисправимых оппортунистов (а таковые всегда «паслись» в МО), упала не только численность московской организации до нескольких десятков физически дееспособных партийцев, но и пал перед оппортунизмом весь московский комитет. Более того, несколько последних лет, в течение которых идеологическая работа в организации происходила по троцкистским рецептам, травмировали аппарат мышления многих наших товарищей так, что они вообще разучились отличать марксизм-ленинизм от троцкизма. Иными словами, практически весь нынешний МК уже является вотчиной бывших членов РПК и нескольких сторонников «революционной платформы», недавно вступивших в РКРП. Надо отдать должное административной хватке членов бывшей РПК, их организованности, натренированности в интригах. Находясь в численном меньшинстве в организации, они умудрились создать незначительное, но достаточное большинство на отчётной конференции, а затем и в МК.

Но они не учли одного. Пока троцкистская организация паразитирует на шее работающей марксистской организации, то у неё есть почва для критики чужих промахов и недостатков, которые всегда есть у тех, кто работает. Но теперь новый состав МК, не умеющий и не желающий работать по марксистски, вынужден будет бессовестно искать виновных в недоработках внутри самих себя

и в ЦК, разводя между собой беспринципную склоку, как это уже случилось с предыдущим составом МК, когда он только начинал претендовать на создание платформы.

О степени необремененности этих «товарищей» совестью, о готовности идти на любое **мощенничество**, говорит тот факт, что на конференции, прямо перед выдвижением кандидатов в МК, руководство «революционной платформы» заявило о... **«самороспуске»** своей платформы и, таким образом, приняла участие в выдвижении кандидатов не по пропорциональному принципу, при котором в МК прошли бы всего три кандидата от платформы, а на общих основаниях. И тут вскрылось «тайное». Будущий первый секретарь МК, Батов, и ведущий конференцию, Ферберов, заявлявшие на словах, что они не являются членами платформы, вдруг принялись энергично убеждать конференцию, как неразумных детишек, в том, что, платформа действительно самораспустилась на глазах конференции и «поэтому» можно успокоиться. Нужно было видеть, как посмеивался Новиков в лицо возмущенным участникам конференции, заявляя: «А что вы думали, что мы будем выставлять себя на посмешище и заявлять, как в сталинские времена, о своём идейном разоружении?».

Разумеется, немного стыдно признавать, что те 15 - 20 человек, которые, пожалуй, твёрдо стоят на позициях традиций и программы РКРП, не смогли убедить остальных товарищей не поддаваться троцкизму. «Организаторы кворума» из нас, действительно, плохие. К ещё большему нашему огорчению приходится признать, что с оппортунизмом в МК мы боролись, но очень неумело, не продуктивно. Тем более, что причина такого положения вещей, как учит марксизм, не может не иметь **объективных** корней.

Представляется, что и в ленинские времена, и в наши дни, объективной причиной подобных

*Статьи о «революционной стратегии борьбы» читайте в «Прорыве» № 9 (3 за 2004), №12 (2 за 2005) и № 15 (2 за 2006).

перерождений партийных организаций является **низкий уровень научно-теоретической подготовки большинства** членов организации. При таком условии достаточно появиться одному краснобаю, Азефу, Гапону, Троцкому, Горбачёву, т.е. относительно талантливому трепачу, имитатору «революционности», как большинство членов организации погружаются в видимость работы, начинают упиваться левой позой, фразой и критикой ЦК. Они начинают заниматься мелкой революционной мастурбацией на фоне собственного плача о неуклонно сокращающейся численности партийной организации, не замечая, что причиной такого положения вещей является их «революционная» суетня, **неумение** и нежелание предметно думать и трудиться.

То, что происходило в московской организации РКРП в последние годы напоминает затянувшийся XX съезд КПСС, с трибуны которого словоохотливый пройдоха нагло врал делегатам съезда об истории, теории и ошибках ВКП(б), а те, как зомби, бессловесно внимали и безвольно голосовали против всего того лучшего, что было в истории их партии. История повторилась на XXVIII съезде КПСС, когда 2/3 безграмотных и беспринципных делегатов съезда проголосовали не за ясное марксистское предложение делегатов ДКИ, среди которых уже тогда В.А. Тюлькин играл важную идеологическую и организаторскую роль, а за идиотские предложения Горбачева по переходу к рыночной экономике, т.е. к капитализму. Сегодня многие члены МО РКРП ведут себя как делегаты XX и XXVIII съездов КПСС, голосуя за «РСБ», как будто не видят всей абсурдности, спекулятивности и бесперспективности этой «стратегии», превратившей саму РПК в микроминиатюрную, хотя и агрессивную группку.

Следовательно, в дальнейшем необходимо научиться ликвидировать объективные предпосылки к подобному развитию событий, а не надеяться, как оппортунисты, на «организационный ресурс», «ловкость рук», т.е. обман, чтобы завладеть местами в комитетах и ЦК. Многократно доказано, что на одной «ловкости рук» далеко не уедешь, а оппортунисты объективно ничего положительного делать не умеют. Закономерно, что фактически весь отчетный доклад МК походил на «плач Ярославны» о том, что взносы плохо сдают, газеты плохо распространяют, на митинги и «цепочки» у музея Ленина почти никто

не ходит, что из партии за отчетный период вышло более 20 человек, в том числе и исключенными, а вступил только один человек, а второй был восстановлен «из ранее исключенных».

Постоянным спекулятивным рефреном звучала мысль о том, что плохая работа МК объясняется наличием... журнала «Прорыв». Хотя тираж журнала растёт. Он сам себя окупает. Количество посещений на сайте журнала - растёт. Материалы журнала перепечатывают, причем не только оппозиционные издания. Количество подписчиков - растёт. В журнал пишут коммунисты Германии, США, Украины, появились новые авторы из РФ. За весь отчетный период критике подвергалась лишь одна заметка с сайта «Прорыв», написанная по поводу антипартийной платформы Крючкова, да и то самим Крючковым*.

Характерно, что газета всего МК, «Рабочая правда», за отчетный период вышла всего 8 раз. Газета «Мысль» распространяется из-под палки. О содержании газеты говорить и грустно, и смешно. Спрашивается, кто мешает МК выпускать больше и лучше? Но члены МК ставят вопрос иначе: да, работать и выпускать газету мы не можем, мы можем лишь заседать и, тем не менее, редколлегия «Прорыва», должна работать под нашим, ничего не умеющим, руководством, несмотря на то, что журнал объявлен многими членами МК - «антипартийной фракцией». Получается, что «фракционеры» должны выпускать вместо МК его газету «Рабочая правда». До какого же умственного опущения нужно дойти, чтобы называть редколлегию журнала «Прорыв» антипартийной фракцией, но в то же время предлагать ей войти в состав редколлегии МК и критиковать «фракцию» за то, что «фракционеры» берут самоотвод, когда их выдвигают в сам МК. Скорее всего, наши критики отлично знают, что редколлегия «Прорыва» не фракция, а уж тем более не оппортунистическая (кстати, об этом даже самые наши заклятые «друзья» не заикаются), но ими движет бытовая, как говорится, бессовестная, удшающая зависть.

Однако именно в этом, т.е. в бессовестном неумении и нежелании оппортунистов работать и состоит «оптимистическая трагедия» МО РКРП.

Для примера напомним краткую историю предательств по отношению к Московской организации и РКРП в целом. Счёт перебежчикам в 1993 г., как помните, открыл Косолапов, прихватив с

* Заметка размещена по адресу <http://proriv.ru/articles.shtml/petrova?solnez>, дискуссия редакции «Прорыва» с Крючковым http://proriv.ru/articles.shtml/editorials?polemika_s_kruchkovym

собой т.н. «Ленинскую революционную платформу в РКРП». Своё двурушничество Косолапов пытался оправдать прожектами создания «Ленинской революционной платформы в КПРФ». Затем в 1996 г. из партии сбежал Анпилов, прихватив учредительные документы движения «Трудовая Россия». Свой поступок он объяснил тем, что партия погрязла в оппортунизме, раз неожелала выдвигать его ни в президенты РФ, ни первым секретарём ЦК. Затем, в 1998 г. состоялся выход из партии группы Губкина, пытавшегося героически посадить всю партию в тюрьму. Следующим, в 1999 г., был всем известный Гусев, перебежавший в КПРФ и унесший с собой учредительные документы движения «Трудовая столица». Последние несколько лет руководство партии и МО было поглощено склоками, которые на каждом шагу изобретал товарищ Крючков, с целью подгонки РКРП-рпк под свою «стратегию». Теперь на позиции «революционной платформы» перебежал практически весь состав МК.

Что общего для всех случаев такого предательства? Извращенная или откровенно слабая научно-теоретическая подготовка перебежчиков. Даже профессора Косолапова, не говоря уже об Анпилове, Гусеве или Крючкове. Ведь кроме статей по «теории» «развитого социализма» в арсенале Косолапова не много найдется трудов иного содержания. Для разговора о научно-теоретическом уровне Анпилова с Гусевым или Крючковым, просто нет достойных материалов, коими, тем более, не является и заявления последних об учреждении ими «РП».

Но на чем основан оптимизм членов МО РКРП, не вошедших в состав МК «РП»? На том, прежде всего, что ни у одного перебежчика, ни у одной «платформы» никогда и ничего не получилось, кроме взаимной грызни. Доказано всей практикой, что оппортунисты, как раковая опухоль, собственной жизнью жить не могут. Они умеют только возглавлять разрушение. Вот и создают эти «непризнанные лидеры» всевозможные «движения», «платформы», чтобы попаразитировать на теле уже организованной и более многочисленной партии.

К сожалению, на каждое такое предательство партийная общественность РКРП, многие секретари региональных организаций до сих пор реагировали своеобразно: «Ну вот, опять эта московская организация! Надоело с вами разбираться!». Или: «Что вы там не поделили? Надоело читать ваши письма!», хотя именно в этих письма и подробно описывалось всё то, что «не поделили москвичи», а региональные организации и ЦКК пре-

дупреждались о готовящемся предательстве. Региональные организации, в большинстве своём, отмалчивались, некоторые призывали «жить дружно» с оппортунистами, а ЦКК последовательно вставала на защиту всех будущих перебежчиков, защищая их до того самого момента, пока они, наконец, не предавали партию бесповоротно и открыто. А съезды партии все выбирали и выбирали Алексеева в состав ЦКК.

Печально, что многие товарищи не вполне осознавали, что, находясь в столице, партийная организация функционировала, что называется, в «осином гнезде», и ликвидация МО РКРП всегда была важной задачей не только для ельциноидов, но и для оппортунистов, троцкистов, которые в период 1991-1993 годов выглядели на фоне РКРП очень блёклы. Практически на всех московских митингах тех лет Зюганов, Проханов, Шенин, Пригарин, Крючков и даже Жириновский, клянчили микрофон у организаторов митингов, т.е. у руководства МК РКРП. Долгое время МК РКРП (пока Анпилов хоть одной ногой, но стоял на партийной позиции) выпускал региональную газету «Молния», успешно расходившуюся по территории РФ. Было от чего завзятым оппортунистам скрипеть зубами и мечтать о разложении или полном уничтожении МО РКРП. Теперь вероятность такого разворота событий повысилась.

Однако ближайшие 2-3 месяца в МО склок не будет, а будет проводиться обсуждение вопросов, связанных формированием такой платформы в РКРП-рпк, которая делала бы существование этой платформы и всей московской организации независимой от ЦК и всей партии. В результате мнения «разойдутся» и начнется новый раунд склок.

Поэтому, практически нет шансов, что в следующем отчетном периоде в московском регионе будет проводиться работа, соответствующая Программе, с которой РКРП начинала свою деятельность. Более того, эта работа не будет соответствовать даже той компромиссной программе, которую мы приняли на объединительных съездах, пытаясь, «отрихтовать» РПК в недрах РКРП и, таким образом, избавить рабочее движение от многопартийности и современного троцкизма.

Отчитываясь о проделанной «работе», руководство прежнего МК с гордостью сообщало делегатам конференции, что в отчетном периоде они неоднократно саботировали решения партийных съездов, порой игнорируя их вовсе, а некоторые решения съездов были выполнены чисто случайно, просто потому, что часть партийцев по при-

вычке выполнила решение партии, например, по сбору подписей для участия в региональных выборах или для регистрации партии. Как говорил Новиков, секретарь по «идеологии» «РП»: «к чести нашей партийной организации и Московского комитета следует заметить, что, в то время, когда вся партия занималась парламентской суетой, сбором бесполезных подписей, мы занимались делом: поддержкой политузников, участвовали в пикетах и перекрытии дороги». Как будто те, кто собирали подписи, не помогают узникам и не участвовали в таком «стратегическом» мероприятии, как перекрытие одной дороги. На собрании была назначена цифра помощи в рублях политическим узникам. Если разбросать эту гигантскую сумму на 48 недель, то получается в неделю по чебуреку на каждого узника и по половинке газеты «Мысль».

Таким образом, с точки зрения ближайшей перспективы, в Московском регионе практически не будет партийной организации, которая бы работала в русле программы РКРП-РПК.

Однако сложившаяся ситуация, **объективно**, ничем более серьёзным для партии в целом не грозит, если, конечно, члены региональных организаций, ЦК и ЦКК извлекут, наконец, принципиальные политические уроки из превращения московской организации РКРП в антипартийную платформу. Разумеется, здесь меньше всего нужны слова. Необходимы «асимметричные» организационные мероприятия и улучшение научно-теоретической и идеологической работы.

Но **субъективно**, вину за своё неумение работать конструктивно, платформа попытается переложить на ЦК и остальную «нереволюционную» часть партии. Новиков будет продолжать заниматься дискредитацией ЦК в глазах всей партии, пытаясь превратить «РП» в непрерывно скандалящий центр.

Ведь во всех документах последних лет, выпущенных Крючковым и его последователями, спекулятивно вы党政化лась и вы党政化ется на первый план якобы перерождение РКРП-РПК в партию парламентского типа. А несколько случаев протестного перекрытия дорог пенсионерами, недовольными монетизацией льгот и реформой ЖКХ, которые зачастую происходят вне зависимости от деятельности «Революционной платформы» МО РКРП-рпк, наличие в тюрьмах нескольких молодых людей и сбор денег в их пользу, бездарные по публицистической форме и политическому содержанию листовки в «защиту» «политических» узников, выдаются за подлинную «революционную стратегию борьбы».

Спекулятивность такой пропаганды состоит в следующем.

Во-первых, Крючков сам горячо напрашивался в избирательный список КПРФ. На съезде нашей партии по этому поводу шла нервная и застудная полемика с требованием будущих членов «РП» включить в список не только Тюлькина, но и Крючкова. Поэтому, «парламентский креатинизм ЦК» не осуждался бы только в том случае, если бы им занимался и Крючков.

Во-вторых, практически все решения съездов партии последних лет объявлялись с трибуны конференции МО оппортунистическими, и большая часть политической деятельности ЦК во главе с В.А. Тюлькиным за отчетный период была оценена как оппортунистическая, особенно в Заявлении «РП». На самом же деле в «РП» вообще нет работы, а в Заявлении о «РП» вообще говорится не о стратегии, а о «легкоподъемных» **намерениях**.

В-третьих, замалчивается тот факт, что ЦК никогда не сковывал инициативы Крючкова, Новикова, МО и вообще региональных организаций ни в вопросах денежной помощи «политузникам», ни в вопросах публикаций в их защиту, ни тем более в практике «перекрытия дорог». Но ЦК не может и не обязан менять свои решения под воздействием писем Новикова. Надо быть креатином, чтобы утверждать, что пока «политузников» пропагандирует только МК, их судьба будет тяжелой, а популярность партии низкой. А вот, дескать, когда за пропаганду «политузников» возьмётся вся РКРП-рпк во главе с ЦК, вот тогда, администрация Путина испугается, вся буржуазия содрогнется, а пролетариат начнет судорожно записываться в «Революционную платформу» имени Крючкова, чтобы повторить «подвиги» Надежды Ракс и её команды.

Если бы в действиях «политузников» был хоть какой-нибудь смысл, или хотя бы уровень акции, сравнимый с акциями палестинских, чеченских, иракских смертников, даже с хлопком, якобы проведённым полковником Квачковым против Чубайса, то здесь кое-какие политические дивиденды можно было бы ожидать. Но только кое-какие, а вовсе не стратегические, тем более коммунистические. Даже дураку должно быть понятно, что все подвиги, все акты мусульманских, как и ирландских, например, смертников, местами привели, а местами приведут, в «лучшем» случае, лишь к восстановлению исламизированных или христианизированных мелкобуржуазных государств и не более того. А в секторе Газа вообще началась гражданская война между «героями».

Глупо, зная весь исторический опыт побед и поражений РСДРП-ВКП(б), в том числе и «эксов», зная опыт народников и анархистов, масштабы их самопожертвования во имя мелкобуржуазных идей, пытаться переплюнуть их пропагандой «подвигов» современных «политузников», воспетыми Крючковым. Мир уже переобъелся информацией о бесплодных террористических актах, бессмысленно уносящих, порой, тысячи жизней, чтобы реагировать на те «подвиги», которыми, несколько романтически настроенных девчушек, бессовестно спровоцированных и подставленных седовласыми мужиками, пытаются всколыхнуть мир современных обывателей.

Как известно за последние годы по Европе прокатилась волна стихийных молодёжных погромов, массовое сожжение автомобилей и офисов, не приведших к сколь-нибудь заметному ослаблению капитализма или росту коммунистического сознания населения. Все подобные борцы, даже антиглобалисты, боятся за мелкобуржуазные блага. Скорее всего, так выпускается социальный пар, а не закаляется сталь. В результате подобной «революционной борьбы», лишь возросли прибыли европейских автомобильных гигантов, да создалось больше рабочих мест для наёмных рабов в автомобильной, стекольной, мебельной отраслях промышленности.

Поэтому имитация «жесткости» миниатюрными акциями, прокламируемыми некоторыми великогодростными «комсомольцами», не приведет ни к каким важным политическим последствиям. Нужно признать, что молодежное движение в московском регионе ни в малейшей степени не находится под влиянием комиссии по работе с молодёжью МО РКРП-рпк, а тем более РКСМ(б). Даже во время последних акций «Антикапа», наши молодые болтуны и старые «революционные» интриганы, лишь жалко ошибались по периметру этой «тусовки», боясь открыть рот вообще.

Последователей Крючкова совершенно не смущает и ничему не учит тот вопиющий ФАКТИЩЕ, что за десятилетие подобной сизифовой деятельности они не смогли привлечь в свою партию НИ ОДНОГО нового члена, не получили ни «грамма» общественной признательности, особенно в среде пролетарского класса. С маниакальным упорством они много лет додгонят одни и

те же фразы, демонстрируя, кстати, своё интеллектуальное убожество и недообразованность. Но у них хватает бессовестности, своё политическое вымирание, нижайшую результативность объяснять тем, что не вся РКРП-рпк повторяет за ними их глупости.

Они не хотят видеть даже того ясного факта, что в тех регионах, где люди предметно поучавствовали хотя бы в сборе подписей для регистрации партии, там в региональные организации абсолютно реально вступили десятки новых людей. А в «РП», где полно непризнанных революционных вождей, нет ни одного дополнительно вступившего в организацию. Но этого слоноподобного факта, объективной оценке своему ничтожному партийному професионализму и трудолюбию они не видят.

В заключение хочется сказать, что все тезисы, выдвинутые в своё время Крючковым и подхваченные Новиковым, рассчитаны на простофиль, т.е. любителей простоты.

Что же можно сказать о нынешнем составе МК? Только то, что о нём уже сказано ненароком, но во всеуслышанье из президиума последней конференции: «Среди выдвинутых мало ТОЛКОВЫХ людей», в сердцах воскликнул Батов, новый первый секретарь МК, после окончания выдвижения кандидатов в состав МК. Пожалуй, это было самое правдивое заявление Батова, из всего того, что было им сказано на прошедшей конференции. И в этом трагедия нынешнего МК РКРП-РПК. Но «мало толковых людей», это ещё мягко и дипломатично сказано. Следовательно, в нынешнем МК, по мнению Батова, много бесполковых людей, но они-то и голосуют друг за друга, чтобы остаться у «власти».

Странно одно, понимая это, высказавшись вслух о том, что в составе МК мало ТОЛКОВЫХ ЛЮДЕЙ, Батов предпочел быть их первым секретарём. Не трудно предсказать, каковы будут итоги работы этого МК, тем более, что они и сами признали своё неумение работать. Но изображать руководство - не работать. Авось, хоть с этим справятся.

Ноябрь 2006

По поручению редакции
журнала «Прорыв»
В. Подгузов

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПРОРИВ»

Мартынов Ю.М., Подгузов В.А., Петрова О.Б., Лбов А.В.

НАШИ КОНТАКТЫ:

Почтовый адрес : **109378 г. Москва, улица Федора Полетаева,
дом 15, корпус 1, квартира 79,
Петровой О.Б.**

Электронные адреса: **webmaster@proriv.ru,
petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru**

Телефоны: **378-37-59 Петрова О. Б.
387-16-00 Мартынов Ю. М.**

Посетите наш сайт в Интернете www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, большую подборку коммунистической музыки.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра с учетом почтовых расходов 30 рублей.

Редакция работает на общественных началах. Рукописи редакцией не рецензируются, не редактируются, не корректируются и не возвращаются.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б. Цена свободная. Тираж 1000. Объем 56 стр. формата А4. Подписано в печать 10.02.07